

ИРЕНА СЫТНИК

Свободная женщина

Сказки для больших девочек

18+

Ирена Р. Сытник
Свободная женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36555627

SelfPub; 2018

Аннотация

Эротическая сказка для взрослых девочек, и этим всё сказано.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	64
Глава 8	76
Глава 9	85
Глава 10	95
Глава 11	104
Глава 12	113
Глава 13	124
Глава 14	133
Глава 15	140

Ирена Сытник

Свободная женщина

Глава 1

Ахайя уныло оглядела убогую комнату. Маленькая и полутёмная, пыльная и затхлая, с нищенской обстановкой. Святые Небеса, до чего она докатилась! Правда, с несколькими грошами в кармане, которые остались после переезда из Алмоста в Илларию, она и не могла рассчитывать на что-то лучшее.

Опустившись на скрипучий расшатанный табурет, предварительно смахнув с него пыль, Ахайя облокотилась о стол из толстых рассохшихся досок. Он был изрезан и покрыт пятнами – напоминание о предыдущих жильцах этой убогой гостиницы. Да, если в ближайшее время она не найдёт какую-нибудь службу, придётся ночевать на улице.

Внезапно за тонкой дверью послышались шаги, и через минуту раздался вежливый стук.

– Открыто, – отозвалась девушка, удивляясь, кто бы это мог быть.

Противно заскрипев, дверь отворилась, и в комнату вошёл высокий стройный господин лет сорока в сопровождении юного красивого раба. Мальчишка был одет очень изыс-

канно и блистал украшениями, в отличие от скромно одетого господина.

– Всех благ, сударыня, – вежливо поздоровался мужчина. Раб не очень старательно, можно даже сказать, небрежно, поклонился. Ахайя ответила приветственным жестом, с любопытством рассматривая вошедших и ожидая объяснений. Но интерес никак не отразился внешне: женщина выглядела обманчиво-расслабленной, со спокойным лицом, хотя в серо-стальных равнодушных глазах крылось напряжение и готовность мгновенно отреагировать на любую неожиданность.

– Простите, что прерываю ваш отдых, – учтиво заговорил мужчина, – но у меня к вам есть небольшой деловой разговор, некоторое... предложение, если можно так выразиться.

– Вы хотите меня нанять? – прямо спросила Ахайя, внутренне возликовав. Но радость никак не отразилась внешне – лицо оставалось всё таким же равнодушно-спокойным.

– Нанять? – казалось, мужчина слегка удивился. – А... Ну, да... Можно сказать и так...

– Садитесь, – Ахайя уступила посетителю табурет, на котором сидела, а сама пересела на убогое, жалобно скрипнувшее ложе, так как другой мебели в комнатке не было. – Слушаю вас...

Мужчина повернулся к рабу и заговорил с ним ласково и просительно:

– Пойди, погуляй, малыш... Вот тебе серебряный, мо-

жешь купить себе чего-нибудь.

Раб недовольно скривился, но деньги взял и неохотно вышел, раздражённо хлопнув дверью.

Мужчина осторожно сел на угрожающе скрипнувший табурет, слегка поёрзал, чтобы удостовериться, что тот под ним не развалится, и посмотрел на собеседницу слегка сочувствующим взглядом.

– В начале нашего разговора хочу представиться, – произнёс негромко. – Меня зовут Астон ди Вермис. Но, прежде чем я продолжу, не сообразовали ли вы ответить на один-два вопроса?

– Спрашивайте, – кратко ответила девушка.

– Я вижу на вашей руке вдовий браслет... Скажите, как давно умер ваш супруг?

– Это имеет значение?

– В некотором роде, да... Я хочу знать, закончился ли срок траура?

– Он умер меньше месяца назад, так что я в самом начале печального пути.

– Очень, очень жаль...

– Это что-то меняет в ваших планах?

– В моих – нет. Но, боюсь, вы можете не согласиться на моё предложение.

– Сначала выскажите его, а я сама решу, подходит мне оно или нет.

– Наверное, вы правы... – Мужчина немного замялся, а

потом решительно продолжил: – Моё предложение таково: выходите за меня замуж!

Ни один мускул не дрогнул на лице девушки, только глаза слегка сузились, а взгляд стал холодным и отчуждённым. Минуту Ахайя пристально рассматривала сидящего напротив мужчину, решая, то ли рассмеяться, то ли рассердиться, то ли вышвырнуть его вон.

Ободрённый молчанием, мужчина продолжил:

– Сначала выслушайте меня, сударыня, а потом принимайте решение... Мой отец богатый землевладелец, а я его единственный сын и наследник. Мы с родителем давно поссорились, и я не часто бываю дома, предпочитая путешествия. Он старый человек, и последние годы много болел. А недавно я получил сообщение, что отец желает меня видеть. И я догадываюсь, по какому поводу... Ещё несколько лет назад он сказал, что, если я не женюсь до его смерти, то он лишит меня наследства, отдав замок и земли под опеку короны. Но я не могу жениться, потому что не люблю женщин... Как вы, вероятно, уже догадались, я предпочитаю юных красивых мальчиков. Отец знает о моём пристрастии, но из-за глупого упрямства настаивает на своём. И вот сейчас, когда, по слухам, он близок к смерти, я должен сделать выбор: либо стать нищим, либо жениться. Ни одна девушка из приличной семьи добровольно не согласится выйти за меня замуж. А брату жену обманом я не хочу – мне нужен друг, а не враг в собственном доме... И когда я случайно увидел вас в пор-

ту, то подумал, что лучшей подруги и супруги мне не сыскать. Если не ошибаюсь, вы – «меченая». Я много слышал о «меченых», и даже дружил с одним из вас, потому знаком с вашими обычаями и нравами. Знаю, что вы любите свободу, независимость, и предпочитаете сами выбирать мужчин. Всё это я предлагаю вам, в обмен на роль моей законной, но не действительной супруги. Я дам вам имя, богатство, власть, а вы станете моим другом, хранительницей очага и домашней половиной. Для посторонних мы будем играть роль супругов, в действительности, каждый будет жить по своим вкусам и потребностям. Это будет, так называемый, брачный союз по договору, союз двух друзей... Как вам моё предложение?

Ахайя задумчиво смотрела на мужчину, ни разу не отведя от его лица холодных серых глаз, словно стараясь проникнуть в мысли и разгадать скрытый подтекст его слов. За время монолога Астона Вермиса ни одно чувство не отразилось на её спокойном лице, и мужчина не мог понять, как она отнеслась к предложению.

Наконец, Ахайя открыла рот и спокойно произнесла:

– Всё это звучит заманчиво... Но ответьте и вы на один вопрос: почему именно я? В Илларию достаточно женщин «меченых», моложе и привлекательнее меня. Почему ваш выбор пал именно на меня?

Мужчина смущённо улыбнулся.

– Отец, скорее всего, с недоверием отнесётся к моей неожиданной и скоропалительной женитьбе, и может запо-

дозреть нас в неискренности... Но вы немного похожи на мою покойную матушку, которую старик обожал. И я рассчитываю, что это поможет склонить его на нашу сторону... Да и некогда мне искать других кандидаток на эту роль.

Девушка тоже улыбнулась.

– А как ваш отец отнесётся к внукам?

Мужчина непонимающе посмотрел на собеседницу.

– Разве у вас есть дети? – осторожно спросил он.

– Пока нет... Но вскоре, даст бог, появятся...

– На что вы намекаете? – Вермис не понимал, куда клонит девушка.

– Я намекаю на то, что беременна... – Увидев, как вытянулось лицо мужчины, продолжила: – Правда, срок ещё небольшой и, по желанию, можно попробовать избавиться от ребёнка. Но, во-первых, я бы этого не хотела, во-вторых, у меня сейчас нет денег на врача...

Мужчина на мгновение нахмурился, обдумывая услышанную новость, а затем лицо его просияло.

– Это просто великолепно! – искренне воскликнул он. – Если я сообщу отцу о вашей беременности, это убедит его в моих серьезных намерениях лучше всяких слов! Да и я с радостью приму этого ребёнка, ведь у меня вряд ли когда-нибудь будут свои дети.

– Значит, вы согласны взять меня, даже, невзирая на «довесок»?

– Да... А вы согласны стать моей женой и принять таким,

какой я есть?

– Да.

– Тогда завтра же и обвенчаемся в местном Храме Неба.

– К чему такая спешка?

– Чтобы вы не передумали.

– Я не принимаю скоропалительных решений и не отказываюсь от данного слова.

– Приятно это слышать. Но я хочу привезти в замок жену, а не невесту. Тогда отцу придётся вас принять в любом случае.

– Что ж, вам виднее... Познакомимся?

– Но я вам представился в самом начале...

– А моё имя вам не интересно?

– Ах, да! – хлопнул ладонью по лбу Вермис. – Простите, сударыня... Конечно, я хочу знать ваше имя. Хотя бы для того, чтобы назвать его жрецам в храме... – засмеялся он.

– Ахайя дель Вильябед.

– Не думал, что вы аристократка.

– По мужу. Он был бароном. После его смерти мужнина родня выгнала меня из дома, посчитав недостойной чести входить в их семью.

– Что взять с варваров! – махнул рукой Вермис, вставая. – Итак, сударыня, до завтра... Утром я зайду за вами, и мы отправимся в храм, а затем пойдём ко мне. Послезавтра утром отходит корабль до Альфата, мы поплывём на нём. Наши земли расположены на побережье, в очень хорошем и кра-

сивом месте, а замок выстроен на скалистом утёсе. Уверен, вам там понравится. Вы ни капли не пожалеете, когда увидите «Гнездо чайки».

Когда необычный посетитель ушёл, Ахайя сбросила куртку, сапоги, пояс, и растянулась на узком ложе. Как это всё странно и необычно, подумала она. После бегства из Алмоста всего лишь с сотней золотых в кармане, она не представляла, что её ждёт, и даже страшилась будущего. На корабле она постоянно молилась Богине-Матери, прося о помощи и покровительстве. По-видимому, её горячие мольбы достигли ушей Всеблагой. А может, это награда за незаслуженно нанесённые ей обиды и неоправданные подозрения. Ведь – боги свидетели! – она не повинна в смерти супруга. Его внезапная и загадочная кончина стала для неё полной и неприятной неожиданностью...

Разморенная многодневной корабельной качкой, усталостью и грустными мыслями, девушка незаметно уснула.

Глава 2

Астон Вермис не обманул, и на следующее утро явился парадно одетый и приукрашенный. В подарок принёс красивое свадебное покрывало.

– Сударыня, жрецы и свидетели уже ждут нас. Поспешите.

– Вы не передумали за ночь?

– Нет. А вы?

– Я тоже.

– Тогда одевайтесь поскорей. Мальчик отнесёт ваши вещи в мою гостиницу. После обряда мы отправимся прямо туда.

– А у нас будет брачная ночь? – засмеялась девушка.

– Не шутите так ужасно, сударыня... – не оценил шутку «жених».

Они спустились вниз, где уже ждали три каких-то типа, похожие на бродяг.

– Наши свидетели? – иронично приподняла бровь Ахайя.

– Да... Эти люди за несколько монет засвидетельствуют всё, что угодно. Знакомых в этом городе у меня, увы, нет.

В сопровождении свидетелей «новобрачные» отправились в храм. Обряд венчания был простым, без торжеств, потому не занял много времени. Ахайя сменила вдовий браслет на брачный, произнесла слова клятвы, и стала супругой Астона Вермиса, ландаска, то есть, землевладельца. После обряда они направились в гостиницу, где новоиспечен-

ный супруг устроил небольшую пирушку «почётным свидетелям». Ахайя, посидев за столом несколько минут, чтобы соблюсти необходимые приличия, отправилась в комнату, которую занимал супруг.

Гостиница, где жил Астон, выглядела намного приличней и дороже той, где остановилась вчера девушка. Потому и комната, в которой жил «супруг», оказалась намного лучше её прежней: большая, светлая, чистая, с широкой кроватью под шёлковым пологом, с крепкой резной мебелью, бархатными шторами на широком окне, забранном узорной решёткой, и ярким тканым ковром, покрывавшим чисто выскобленный пол. Вещи Ахайи, принесённые мальчиком Вермиса, были небрежно брошены в углу, а сам раб – надутый и недовольный – сидел на кровати, бросая на госпожу злобные взгляды. Перехватив один, девушка произнесла:

– Может, для своего господина ты что-то и значишь, но для меня ты – никто. Ещё раз так посмотришь – и я сверну тебе шею.

Мальчишка испуганно втянул голову в плечи и опустил глаза.

Астон вернулся через пару часов, пьяный и весёлый. Прогнав любимца из комнаты, предложил «супруге» пообедать и лечь спать, так как завтра утром им придётся очень рано вставать, чтобы успеть к отплытию корабля.

– Мы будем делить одно ложе? – уточнила девушка.

– Увы, сударыня, пока да... Нам нужно научиться играть

роль влюблённых молодожёнов, чтобы обмануть отца и родню. Но мы будем только лежать рядом, и больше ничего!

– Возможно, я бы не отказалась от чего-то большего... – игриво повела бровью девушка.

– Не надо больше шутить на эту тему, ведь мы договорились обо всём заранее. Я и так жертвую любовью моего мальчика ради дурацкой прихоти отца.

– Кстати, о вашем мальчике... Он очень зол на меня, не понимаю только, за что. Скажите ему, чтобы держал эмоции при себе, а то в порыве плохого настроения я могу сделать ему очень больно.

– Не обращайтесь на него внимания, дорогая... Он просто избалованный мальчишка. Я слишком потакаю своим наложникам, это моя слабость. Самому надоели его капризы, поэтому скоро от него избавлюсь. Обычно, я покупаю четырнадцати-пятнадцатилетних юнцов, но как только они становятся старше и начинают наглеть, я без сожаления их продаю... Кстати, хотел у вас спросить... Как вы относитесь к моему увлечению? Не презираете, как некоторые ограниченные людишки?

– Нет. Мне всё равно, кто, с кем и как, лишь бы это не мешало мне. В Алмосте я всякого насмотрелась, там к любви относятся весьма свободно, и многие вельможи содержат целые гаремы наложников.

– Очень интересно... Непременно когда-нибудь побываю в Алмосте.

Астон разделся и полез под одеяло.

– Извините, дорогая, но я немного перебрал, и хочу спать... Можете заказать обед в номер, здесь неплохо готовят. Рекомендую попробовать свиные пяточки – сплошное объедение... – Астон зевнул во весь рот и закрыл глаза. – Извините, я сплю... Надеюсь, вы не исчезнете, пока я буду спать? Мы ведь можем стать хорошими друзьями... – бормотал он, уже засыпая.

Ахайя приблизилась к кровати, поправила на супруге одеяло, подоткнула со всех сторон, как заботливая нянька, и прошептала:

– Конечно, мы станем друзьями, голубчик... Теперь я ваша, а вы мой навек, пока смерть не разлучит нас. Или пока мне всё это не надоест, во всяком случае...

Ахайя последовала совету супруга, поела в номере, а после обеда прогулялась по городу. В гостиницу вернулась вечером. Поужинав в общей столовой, поднялась в комнату. Астон сладко спал, обнимая прильнувшего к нему раба. Ахайя прогнала мальчишку на коврик у камина, разделась и заняла согретое им место рядом с супругом. Прижавшись к разгорячённому во сне телу, она, по привычке, забросила на него ногу, расслабилась и вскоре тоже уснула.

* * *

Разбудил их громкий стук в дверь и голос дежурного, со-

общавшего, что уже час саливы и пора вставать. Ахайя поднялась быстро и легко, умылась, оделась, а затем растолкала никак не желавшего просыпаться ди Вермиса.

– Дорогой, вставай, нам пора ехать.

Астон с трудом открыл глаза, долго зевал и потягивался, и с большой неохотой встал. Окоченевший и не выспавшийся мальчишка помог ему привести себя в порядок и одеться. Собрав вещи, спустились вниз, где Астон расплатился за проживание и еду. Гостиницу покинули, когда над горизонтом едва показались первые солнечные лучи. В порту поднялись на борт небольшой галеры, которая вскоре отчалила, держа курс на юг. Она плыла вдоль побережья, держась ближе к берегу, и к вечеру прибыла в Синелм – город, расположенный в глубине большого залива. Пассажиры переночевали в гостинице на берегу, а рано утром вновь отправились в путь. В полдень корабль пришвартовался у пристани города Альфат, где Астон и Ахайя сошли на берег. Отсюда нужно было ехать на повозке ещё несколько часов до замка ландаска ди Вермиса. Потому, когда они, наконец, поднялись по крутой дороге на высокий, обрывавшийся в море холм, на котором величественно высился замок, Ахайя чувствовала себя совсем разбитой.

Не успели путешественники сойти с повозки, как к ним приблизился дворецкий и, после кратких приветствий, попросил Астона проследовать к господину ландаску, предупредив, что тот чувствует себя совсем плохо. Астон поспе-

шил к отцу, и Ахайя вынуждена была последовать за ним.

Они пришли в большую полутёмную спальню, в которой стоял затхлый тяжёлый воздух, какой обычно бывает в помещениях, где лежит тяжелобольной. На широкой открытой кровати, облокотившись на высокие подушки, лежал худой жёлтый старик с измождённым бледным лицом. Он посмотрел на вошедших, и его лицо скривилось, как от боли.

– А, сынок... – проскрипел. – Явился, наконец... Долго ты добирался...

– Я приехал сразу, как получил ваше сообщение, – смиренно ответил Астон. – Как вы себя чувствуете, отец?

– Хуже некуда, заботливый ты мой... Скоро отправлюсь на Небеса, тебе недолго осталось ждать... – старик засипел, и Ахайя с удивлением поняла, что тот смеётся. Несмотря на изнурительную болезнь и слабость, ландаск Вермис не потерял чувство юмора. Отец Астона, хотя она его почти не знала, начинал нравиться девушке. – Ну, чем порадуешь меня, маленький негодник? Ты взялся за ум? Я ведь не шутил...

– Я как раз хотел вам сообщить приятную новость... Вот моя супруга, отец, и ваше послание прервало наш медовый месяц. Мы только на днях обвенчались. Её зовут Ахайя и она из благородного алмоцкого рода. Более того, она ждёт от меня ребёнка, и к концу месяца Бурь можно ожидать наследника. Я надеюсь, отец, что вы доживёте до этого радостного события.

Старик оторвал от подушки трясущуюся голову и впился

в глаза Ахайи горящим взглядом.

– Это правда, девушка? – проскрипел он. – Всё, что сказал этот негодник, правда? Или это утешительная ложь умирающему?

– Правда, сударь, – спокойно ответила Ахайя. – Я законная супруга вашего сына, а в моём чреве растёт новая жизнь.

Старик расслабленно откинулся на подушки и опустил набрякшие веки.

– Теперь я могу спокойно умереть... – пробормотал. Но тут же вновь открыл глаза и поманил девушку костлявой рукой. – Подойди сюда, дитя моё, я шепну кое-что тебе на ушко.

Ахайя приблизилась и склонилась над стариком.

– Держи его в руках, детка, он стервец, каких ещё поискать... – шипло зашептал свёкор. – Я вижу, что ты из тех женщин, которые ходят с мечом, как мужчины... Понимаю, почему он выбрал тебя, а не простую, обычную девушку... Я немного слышал о вас, и думаю, что этот глупец обманул сам себя... Не давай ему много воли и не спускай с него глаз... – старик совсем обессилел, вновь закрыл глаза и вяло махнул рукой. – Ступайте...

Они покинули мрачную спальню, и дворецкий провёл их в другое крыло, где прибывших ждали несколько приготовленных комнат. После убогих гостиниц роскошь помещений приятно удивила «меченую». Стены покрывали тканые гобелены с красивыми узорами или искусно выполненными кар-

тинами. Полы устилали толстые мягкие ковры. Комнаты заполняли цветы и свет. В спальне, выдержанной в бледно-лиловых тонах, стояла огромная резная кровать, задрапированная шёлковым узорным балдахином.

Замок в целом, и выделенные им комнаты, а особенно спальня, сразу полюбили девушке, и она твёрдо решила, что непременно станет полновластной хозяйкой «Гнезда Чайки».

Глава 3

Старый ландаск настоял на торжественной свадьбе, и созвал в замок всех ближайших соседей и родственников. Ни Астон, ни Ахайя не противились этому. На людях они старательно разыгрывали влюблённую пару. Астон оказался весьма нежным и внимательным супругом. Он относился к девушке с искренней симпатией, и вскоре между ними завязались тёплые дружеские отношения. Часто, уединившись в укромном уголке замка или прогуливаясь по пустынному морскому берегу, они подолгу беседовали, делясь воспоминаниями из своей богатой приключениями жизни. Держась за руки, весело смеясь или шепча на ушко не предназначенные для посторонних слова, они и впрямь напоминали парочку влюблённых, и уверили в этом не только тайных и явных наблюдателей, но и недоверчивого отца Астона.

Старик перед свадьбой немного взбодрился, и, казалось, его здоровье пошло на поправку. Но после торжеств, утомлённый предсвадебными хлопотами, долгими беседами с друзьями и родичами, резко сдал и, спустя несколько декад, умер. Астон искренне переживал смерть отца и устроил ему пышные похороны. Но когда прошёл положенный срок траура, начал собираться в дорогу.

– Не покажется ли людям странным, что вы покидаете беременную жену, которую так искренне любите? – спросила

Ахайя.

– Но я ненадолго, всего на пару месяцев, отдохну и развеюсь. Когда придёт срок родов, я вернусь. А любопытным вы можете отвечать, что сами прогнали меня – вас раздражает мой вид, или мой запах, или голос, да что угодно! Я слышал, с беременными такое бывает.

По правде говоря, Ахайе самой давно хотелось остаться одной и ощутить себя полновластной хозяйкой замка и окрестных земель. В её голове теснились тысячи планов переустройства дома и поместья, и она не хотела, чтобы ей кто-то мешал. Потому и не препятствовала отъезду Астона, а, наоборот, всячески его поощряла.

И вот, когда супруг уехал, девушка засучила рукава и взялась за работу. Последние года, часто болея, старый ландаск не уделял внимание хозяйству и дому, и поместье пришло в упадок. В замке был хороший управляющий, но без строгого хозяйского надзора он обленился, и выполнял обязанности, спустя рукава. Первым делом, Ахайя сделала ему строгое внушение, указав на упущения и недосмотр. Управляющий сразу понял, что в лице молодой госпожи в поместье появилась настоящая хозяйка. Он тут же рьяно взялся за работу и вскоре поправил пошатнувшееся хозяйство. Ахайя решила разбить пару новых виноградников, обновить старые, и занялась строительством новых конюшен и сервера – помещения для рабов, так как старые буквально разваливались. Обновила она и прислугу. Старых старательных рабов отпу-

стили на свободу, слуги и стражники вышли на пенсию с достойным денежным вознаграждением. На их место набрали молодых и энергичных. Ахайя лично выбирала кандидатов, после краткого собеседования.

Когда Астон вернулся через несколько месяцев домой, то почти не узнал замок: разрушенные кое-где стены светлели свежей кладкой, дорогу к поместью обрамляли ароматные кусты юсса, сам замок сиял свежей краской и блистал чистой и ухоженностью. На хозяйственном дворе красовались новый просторный сервар и большая прекрасная конюшня.

– Да вы непревзойдённая хозяйка! – удивлённо воскликнул он. – Вот уж не думал, что «меченые» умеют не только отлично драться, но ещё и прекрасные хозяйственники. Вы не только очаровательная женщина, но и великолепная хозяйка, и я горжусь тем, что вы согласились стать моей супругой... Честно говоря, я не желаю сидеть дома и заниматься всеми этими скучными рутинными делами. Я люблю путешествовать по миру, знакомиться с новыми людьми, познавать любовь нежных красивых мальчиков и жить в своё удовольствие.

– А мне уже надоели путешествия, переезды, служба у напыщенных самодовольных болванов, ночёвки в облезлых, дурно пахнущих гостиницах, и скверная пища. Я желаю жить в своём доме, обустраивать и облагораживать его, словом, заниматься этими рутинными делами...

– Вот и отлично, дорогая! Значит, сами боги свели нас

вместе. Тогда распределим наши желания: вы будете жить в «Гнезде чайки» и делать всё, что вам вздумается, а я буду путешествовать, лишь иногда заглядывая в отчий дом, чтобы взять немного денег для своих удовольствий.

– В целом, я согласна, но в частности... – задумчиво ответила Ахайя. – Здесь есть один нюанс...

– Какой же?

– Ваши путешествия могут когда-нибудь закончиться весьма плачевно...

– Спаси и сохрани! – Астон сотворил охраняющий жест и поплевал в ладонь.

– Да, пусть минует вас чаша сия... Но всё ведь может случиться?

– Возможно, – неохотно кивнул Астон.

– И тогда вы будете считаться пропавшим без вести, а я – соломенной вдовой. Меня такое положение не устраивает. Потому, давайте заключим нотариальный договор, что, если вы не объявитесь по истечении трёх лет, то будете считаться отсутствующим, через пять лет – без вести пропавшим, а спустя семь лет – мёртвым. И тогда я буду считаться свободной женщиной, а ребёнок, которого я скоро рожу, – сиротой. Я думаю, это будет справедливо.

– Я согласен с вами, но сроки мне кажутся слишком малыми. Лучше так: первый срок – пять лет, второй – семь и третий – десять.

– Пусть будет и так. За десять лет можно пять раз объехать

весь мир и вернуться домой.

Ахайя не любила откладывать задуманное на потом, и, на следующий день, вызвала из города королевского нотариуса, который помог составить договор и заверил подписи. Спрятав свиток с большой государственной печатью в шкапулку под ключ, Ахайя почувствовала себя защищённой со всех сторон. Пусть Астон теперь бродит, где ему вздумается, пусть его даже поглотит пучина морская – она будет и останется полновластной и единоличной хозяйкой «Гнезда чайки».

Астон пробыл в замке до самых родов. В положенный срок Ахайя разродилась здоровым крупным ребёнком мужского пола. Астон искренне обрадовался мальчику, словно это был его родной сын. На именины он созвал всех соседей и родственников. Так как малыш походил на мать, то даже самые недоверчивые не смогли ничего заподозрить. Младенцу дали красивое имя Ларос, что по-илларийски означало «прекрасный, очаровательный». Ахайе имя очень понравилось, так как малыш, в самом деле, был прехорошенький: с тёмными кудряшками шелковистых волос, серо-голубыми глазёнками, пухленький и розовокожий. Она сразу влюбилась в собственного сына и возилась с ним целыми днями, несмотря на сонм нянек и кормилиц.

Астон тоже души не чаял в малыше, часто брал его на руки, играл с ним, и со стороны казался настоящим любящим отцом. Из-за Лароса он даже задержался в замке на целых

полгода, отказавшись от своих планов на путешествие.

Но всё же страсть к свободе пересилила пробудившиеся отцовские чувства, и, спустя семь месяцев, когда Ларос едва научился ходить, Астон взял из семейной казны большую сумму денег, попрощался с супругой и отправился в Алмост, куда давно стремился.

Ахайя вновь осталась одна, но теперь одиночество её тяготило. Она привыкла к обществу Астона, к ежедневному с ним общению и совместным прогулкам по вечерам. И, хотя он не был настоящим супругом, но они стали добрыми друзьями, между которыми не существовало секретов или недомолвок. С Астоном можно было посоветоваться, рассказать о своих проблемах, посплетничать о соседях или даже пожаловаться на что-либо, и получить утешение и поддержку. А теперь у неё не осталось близкого человека, с которым можно поговорить по душам.

К тому же у Ахайи давно не было мужчины. Пока она носила ребёнка – её не тянуло к интимным ласкам. После родов, некоторое время, она приходила в себя, так как из-за крупных размеров Лароса роды проходили тяжёло и очень изнурили женщину. Но вот она очистилась и оправилась, организм полностью восстановился, и, изменённый и пробужденный после долгой спячки, возжелал мужской любви и ласки. Конечно, она легко могла завести любовника – и вряд ли кто строго её осудил бы за это, из-за постоянных и продолжительных отлучек супруга. Но кого выбрать на эту по-

чётную роль? Кого-либо из стражников? Из прислуги? Нет, эти люди не умеют держать язык за зубами и слишком самолюбивы. Она не хотела, чтобы интимные подробности её отношений обсуждала вся челядь, а любовник начал бы предъявлять какие-либо права или требовать особого положения. К тому же, его товарищи будут завидовать «везунчику», начнутся ссоры и склоки. Можно купить раба-наложника, как это делал Астон. Но любовь по принуждению не вдохновляла женщину.

* * *

Вечерами, когда спадала жара, Ахайя, часто, облачившись в привычный кожаный костюм и прихватив необходимое количество оружия, садилась на любимого коня – чёрного, как ночь, жеребца – и отправлялась на прогулку, объезжая свои земли, посещая ленные фермы и селения. Землевладения ландаска Вермиса были обширны, и у неё уходило три-четыре часа на их объезд и возвращение в замок.

Как-то раз, возвращаясь с очередной прогулки, Ахайя захала по нужде в масличную рощу. Спешившись, зацепила повод за ближайший сук и поспешила в заросли густых баррисов. Уже надевая штаны, женщина услышала злобное фыркание Дракона, треск сучьев и топот копыт. Выскочив из кустов, увидела кружившего на месте и скалившего зубы жеребца, пытавшегося укусить вцепившегося в седло бродягу.

Ахайя недаром выбрала этого коня и дала ему такое грозное имя. Это был сущий зверь: сильный, злобный, выносливый и недоверчивый. Женщина с трудом приручила и объездила его ещё в первые дни пребывания в замке, и с тех пор он был предан только ей. От его зубов и копыт пострадал не один конюх и мальчик-грум, и в замке его боялись все. А этот бродяга-конокрад, не зная о злобном характере жеребца, сейчас не столько уже хотел сесть в седло, сколько старался избежать его укусов и убираться от бешеного животного целым и невредимым.

Ахайя приблизилась к вору и ударом кулака сшибла его с ног, а Дракон тут же лягнул полуоглушённое тело. Ахайя успокоила коня и привязала его подальше, так как тот всё время старался куснуть или лягнуть чужака. Вернувшись к вору, женщина заломила ему руки за спину и связала шнуром-удавкой, всегда висевшем на поясе каждой «меченой». Рывком поставив его на ноги, набросила на шею петлю привязанного к седлу аркана. Затем дала пощёчину и произнесла:

– Сейчас я отведу тебя в замок, мерзкий конокрад, и повешу на стене в назидание другим.

Бродяга стоял, ошеломлённый всем произошедшим, и растерянно моргал. Он ещё не совсем оправился после удара «меченой» и его немного пошатывало.

Ахайя села в седло и подтянула к себе слегка упирившегося пленника. Дракон раздул ноздри и оскалил зубы, но

Ахайя прикрикнула на него и тронула уздечку. Дёрнув конец аркана, приказала:

– Иди возле левого стремени, если не хочешь получить копытом в лоб.

Затянувшаяся скользящая петля сдавила горло бродяги, и он закашлялся. Волей-неволей, ему пришлось последовать за всадницей. Дракон шёл крупным шагом, поэтому пленнику пришлось торопиться, чтобы не задохнуться от затягивавшейся петли. Или не попасть под задние копыта коня.

Так они и въехали в замок: злобно косящий на чужака жеребец, невозмутимо восседающая в седле женщина и семенящий рядом с её левой ногой, задыхающийся, потный и грязный пленник. Стражники у ворот и на стенах насмешливо освистали его и отпустили несколько нелестных замечаний.

Спешившись посреди двора, Ахайя вручила повод приблизившемуся с опаской груму и подозвала свободного стражника.

– Посторожи этого идиота, пока я не пришло за ним.

– Слушаюсь, госпожа, – послушно ответил воин, не удивляясь и ничего не спрашивая. Хозяйка «Гнезда чайки» держала слуг и охрану в строгости и не поощряла панибратства.

Женщина поднялась к себе, где её уже ждала тёплая ванна и горячий ужин. После Ахайя проведала Лароса, сладко спавшего в своей кровати, а затем вернулась в приёмную и послала рабыню за пленником.

Когда воин привёл его, Ахайя восседала в резном деревянном кресле, покрытом для комфорта белоснежной бараньей шкурой, положив ноги на низенькую скамеечку, и массажистка разминала ей икры и ступни, приводя их в порядок после многочасовой поездки верхом.

Введя пленника в комнату, воин заставил его опуститься на колени, и вопросительно посмотрел на госпожу. Ахайя взмахом руки отпустила его и перевела на бродягу холодный бесстрастный взгляд, которого так боялись слуги и рабы.

– Кто ты и откуда родом, глупец? Как у тебя хватило ума посягнуть на моего коня? Разве ты не знаешь, кто я?

Оборванец ответил ей равнодушным взглядом, промолчав.

– Почему ты молчишь? Ты немой, не понимаешь вопроса или не желаешь отвечать?

Пленный упорно молчал.

Ахайя, до этого расслабленно лежавшая в кресле, резко выпрямилась и слегка наклонилась вперёд. Её голос стал низким, и в нём зазвучала угроза:

– Ты не хочешь со мной говорить или не понимаешь полиларийски?

Пленный, в самом деле, выглядел как чужеземец: высокий, мускулистый, светловолосый, с большими, чуть раскосыми, чёрными глазами, какие женщина видела только у чистокровных виолок. Эти глаза и скуластое, с большими выразительными губами лицо, особенно заинтересовали Ахайю.

– К чему разговоры, если ты всё равно повесишь меня, – ответил пленник, произнося слова с лёгким акцентом.

Ахайя вновь расслабленно откинулась на спинку кресла, и рабыня, испуганно отползшая в сторону, вновь вернулась на место и принялась массировать другую ногу госпожи. Женщина иронично усмехнулась.

– Не обязательно... Если ты расскажешь мне какую-нибудь жалостливую историю или назовёшь вескую причину, толкнувшую тебя на воровство, я, возможно, передумаю.

– А ты любишь слушать сказки на ночь? – насмешливо улыбнулся пленник. Несмотря на униженное положение и явную угрозу смерти, он держался дерзко и вызывающе, совсем не так, как в роще.

Массажистка испуганно оглянулась на него, а затем украдкой посмотрела на госпожу, удивляясь, как та терпит такую дерзость.

Ахайя, на самом деле, не питала к бродяге зла. Ей даже понравилось его вызывающее поведение. Она уважала смелость и силу духа, и дерзкое поведение бродяги, над головой которого висел призрачный меч её гнева, а на шее болталась реальная верёвка, забавляло.

– Ну, только если ты хороший сказочник, – невозмутимо ответила женщина.

– Тут тебе не повезло... Я бывший корсар, и сочинять сказки не умею.

– Это тебе не повезло, а мне всё равно... А почему быв-

ший?

– Потому что мой корабль пошёл на дно, а товарищи частью погибли. Спасшиеся разошлись, кто куда. Лично я пробирался к Скалистому Берегу, чтобы вступить в новое братство, и подумал, что верхом доберусь туда быстрее и комфортнее, чем пешком.

– Ты рассказал о себе такую ужасную правду, что теперь я просто вынуждена тебя повесить... Разве нельзя было что-нибудь придумать?

– Я не сказочник, чтобы выдумывать небылицы. И не нуждаюсь в твоём милосердии! – Пленник внезапно вскочил на ноги и с яростью посмотрел на женщину. – Можешь повесить меня, если это удовлетворит твою кровожадную душу, но я не буду ползать у твоих ног и вымаливать пощаду, если ты этого ждёшь!

Ахайя иронично засмеялась и слегка толкнула рабыню ногой.

– Посмотри на этого гордеца, Элана! Как он жаждет смерти... Что ж, он её получит, гордую и прекрасную.

Рабыня послушно обернулась и посмотрела на пленника. В её глазах светилась жалость, ведь она знала, что госпожа слов на ветер не бросает.

Ахайя хлопнула в ладоши и в комнату заглянула дежурная рабыня.

– Позови капитана охраны, – приказала женщина. Когда рабыня выскользнула за дверь, она продолжила, обращаясь

к корсару: – Ну вот, ты добился, чего хотел. Ты умрёшь... Но не сейчас. Чуть позже. Когда для этого будет подходящее время. А пока пользуйся моим гостеприимством, – загадочно улыбнулась она.

Пленник ответил ей злобным взглядом. Минуту в комнате царила тишина. Корсар, игнорируя откровенный взгляд хозяйки, мрачно рассматривал обстановку комнаты, а женщина любовалась крепко сбитым, пропорционально развитым, стройным и мускулистым телом мужчины.

– Может, всё же назовёшь своё имя, чтобы я знала, что написать на табличке, которая будет висеть на твоей груди. «Такой-то, корсар и конокрад», – неожиданно произнесла Ахайя.

– Пиши, что хочешь, кровожадная ведьма, – буркнул пленник.

– Да, я такая, – не обиделась женщина. – Вот меня зовут Ахайя ди Вермис, я хозяйка окружающих земель и госпожа этого замка. А кто ты?

– Можешь написать Дайд, этого будет достаточно.

– Необычное имя... Сам придумал?

– Ты подсказала.

Ахайя улыбнулась.

Неожиданно в комнату вошла одна из нянек Лароса и произнесла:

– Прошу прощения, госпожа, но маленький господин проснулся и зовёт вас.

Ахайя сразу встала и вышла вслед за нянькой. Ларос хныкал и крутился в своей роскошной кровати. Женщина взяла ребёнка на руки и прижала к груди. Она начала его нежно качать, тихонько напевая когда-то слышанную колыбельную песенку. Забытые слова она додумывала сама. Малыш, услышав голос матери, успокоился, расслабился и вскоре уснул. Подержав его ещё немного, Ахайя нежно поцеловала сынишку и осторожно положила назад в кровать.

Когда Ахайя вернулась, её с нетерпением ждал капитан Хорст. Дайд, скрутившись, лежал у его ног.

– За что? – спросила женщина, профессиональным взглядом оценив позу лежащего. По-видимому, тот получил хороший удар в живот.

– Простите, госпожа, но он вёл себя очень нагло.

– Да, он такой... Отведи его в Башню Узников и посади в верхнюю комнату. Но перед этим пусть его вымоют и переоденут в чистую одежду. Пусть его также накормят и строго следят, чтобы не сбежал.

– Не слишком ли много чести для какого-то бродяги? – недовольно пробормотал капитан.

– Здесь я решаю, кому и сколько оказывать чести, – холодно ответила женщина.

– Простите, госпожа, я не хотел вам перечить, это так, мысли вслух...

– В следующий раз держи свои мысли при себе.

Хорст грубо поднял пленника и поставил на ноги чуть ли

не пинками.

– Идём, бездельник, разлѣгся, как на перинах... Спокойной ночи, госпожа.

– Взаимно, капитан.

Глава 4

Несколько последующих дней Ахайя почти не вспоминала о пленнике, хотя и не забывала о нём. Дерзкий корсар с глазами виола не выходил у неё из головы. Вначале она, и в самом деле, намеревалась его повесить, но потом передумала и решила приручить, как в своё время приручила Дракона. Однажды, после обеда, когда замок притих в послеполуденной неге, пережидая дневной зной, она вошла под мрачные своды Башни Узников и поднялась на третий уровень, где находилась камера Дайда – если это его настоящее имя. Возле двери томился часовой, присев на корточки и позёвываая. Но, увидев госпожу, тут же вскочил и старательно вытянулся, приветствуя её взмахом руки.

– Я войду, – сказала Ахайя, – а ты будь настороже. – Не думаю, что потребуется твоя помощь, но всё же...

– Можете на меня рассчитывать, госпожа, – с готовностью вытянулся стражник.

Женщина отодвинула тяжёлый засов и вошла.

Верхняя комната Башни Узников – самая большая, светлая, чистая и сухая. В ней находились узкое ложе, стол, табурет, и даже камин для холодных ночей. В стенах прорезаны два узких зарешеченных окна.

Когда Ахайя вошла, узник лежал, отвернувшись к стене лицом. Одетый в чистую холщовую рубашку и узкие полот-

няные штаны. Кожаные сандалии аккуратно стояли на полу.

Дайд не повернулся на звук открывшейся двери: то ли спал, то ли игнорировал посетителя. Женщина неторопливо прошла по комнате, заглядывая во все уголки, даже за туалетную ширму, и удостоверилась, что везде царят чистота и порядок, а узник ни в чём не нуждается. Затем пододвинула табурет ближе к двери и села, облокотившись о стену спиной.

– Просыпайся, Дайд, я пришла с тобой поговорить, – произнесла повелительно.

Мужчина медленно повернулся и посмотрел на женщину ленивым взглядом. Облокотившись о согнутую руку, насмешливо изогнул полные губы.

– Вот уж кого не ожидал здесь увидеть...

– Думал, мы увидимся уже на крепостной стене, когда тебя поведут вешать?

– Что-то вроде этого.

– Ты всё ещё считаешь меня кровожадной ведьмой?

– А это не так?

– Всё зависит от обстоятельств. Иногда я бываю беспощадной, а иногда могу быть великодушной.

– И какая ты сейчас?

Ахайся вытянула ноги и скрестила в лодыжках. Руки сложила на груди.

– Я понимаю, что ты не питаешь ко мне любви, но это не значит, что нужно быть невежливым. Может, хотя бы под-

нимешься?

Дайд неторопливо поднялся и сел, облокотившись спиной о холодную шершавую стену и поджав под себя ноги.

– Спасибо... Можешь ответить на один вопрос, только честно и откровенно?

– Постараюсь... Если ты до сих пор не заметила, то хочу обратить твоё высокомерное внимание, что я всё время отвечал на вопросы честно и чересчур откровенно.

Ахайя пропустила сарказм мимо ушей и продолжила:

– Сколько в тебе виольской крови?

Мужчина нахмурился и раздражённо буркнул:

– Это так заметно?

– Для того, кто хорошо знает, как выглядят чистокровные виолки – да.

– У тебя есть подружки-виолки?

– Я бы не назвала их подружками, – улыбнулась женщина. – Они были моими наставницами, но подругами – никогда.

– Разве ты дочь виолки? – недоверчиво посмотрел на женщину пленник.

– Нет, конечно. Я была ученицей в Школе Меченосцев. Слышал о такой?

– Нет.

– Это в Ландии. Ещё её называют крепостью св. Лианны.

– Никогда не слышал...

– В этой Школе виолки с Оллина обучают мальчиков и де-

вочек воинскому искусству. Я одна из выпускниц этой Школы. Нас ещё называют «мечеными».

– О «меченых» я слышал.

– Так ты виол? – снова вернулась к своему вопросу женщина.

– Не всё ли равно?

– Не уходи от ответа. До сих пор ты не скрывал даже то, о чём можно было и промолчать.

Дайд дёрнул плечом. Было видно, что эта тема ему неприятна, но и не ответить он не мог, раз до сих пор был предельно откровенным.

– Да, я виол, – нехотя признался он. – Моя мать – виолка. Отца я не знаю, так как мамаша убила его, когда я был ещё младенцем. Я вырос у чужих людей и ненавижу виолок!

– Да, их обычаи и законы кажутся странными даже мне. У меня есть супруг и сын, и я люблю и уважаю их обоих, несмотря на то, что они мужчины. С Астоном мы хорошие друзья, а малыша я обожаю. Хотя меня воспитывали виолки, десять лет прививая свои жизненные взгляды и ценности, я не всё переняла у них.

– Рад за тебя... – процедил Дайд.

– А теперь, если нетрудно, назови своё настоящее имя. Ведь Дайд – это по-ассветски «мертвец». А ты пока живой.

– Я не хочу умереть с именем, которое дала мне мать при рождении.

– Но и это не очень подходящее.

– Разве? Ведь я почти мертвец. От могилы меня отделяют считанные часы или дни.

– А может, года...

– Рано или поздно, но ты меня повесишь.

– Я передумала.

– С чего бы вдруг?

– У меня сегодня великодушное настроение.

– Завтра оно может измениться.

– Завтра будет завтра.

– Ты прощаешь мне покушение на свою драгоценную лошадь? – язвительно скривился мужчина.

– Ты уже заплатился за это.

– Но я ведь признался, что был корсаром.

– Что мне до этого? Я не королевский судья, – дёрнула плечом Ахайя.

– Значит, мне прощены все грехи?

– Аминь.

– Тогда я свободен и могу идти?

– Я ничего не говорила об освобождении.

– Но ты ведь простила меня.

– Я лишь отменила смертную казнь.

– И заменила её пожизненным заключением?

– Возможно.

– И считаешь, что поступила великодушно?!

– Разве нет?

– Мне такая доброта не нужна. Лучше болтаться в петле

на свободе, чем гнить в этой клетке.

– А чем здесь плохо? – удивлённо приподняла брови женщина. – Чисто, уютно, тепло и сытно. Живи и радуйся, – Ахайя встала и отодвинула ногой табурет. – Ну что ж, я, пожалуй, пойду. Извини, если прервала твой послеобеденный отдых.

– Так скоро уходишь?

– Хочешь, чтобы я осталась?

Дайд некоторое время помолчал, колеблясь, затем произнёс, не глядя на женщину:

– Я хочу отсюда выйти. Я не могу долго находиться в четырёх стенах. Или убей меня, или отпусти.

Ахайя тоже помолчала, словно раздумывая, а затем спросила:

– На что ты пойдёшь ради свободы?

Дайд поднял глаза и пристально посмотрел на женщину.

– А что ты мне можешь предложить?

– Наденешь ли ты ошейник раба, чтобы только выйти отсюда?

Корсар горько и презрительно рассмеялся.

– Ты называешь это свободой?

– Относительной. Ты будешь свободен в пределах замка.

Глаза мужчины слегка сузились, и Ахайя догадалась, о чём он подумал.

– Только не мечтай, что выйдя отсюда, сможешь убежать при первом удобном случае.

Дайд криво усмехнулся, и женщина поняла, что угадала направление его мыслей.

– Скажи, что ты умеешь делать?

– Драться, – пожал плечами корсар.

– А ещё?

– Говорят, неплохо пою. Умею играть на аккордо.

– Весьма интересно... Ладно, я подумаю над твоей просьбой и сообщу своё решение, – произнесла Ахайя и вышла.

Несколько следующих дней она не вспоминала о пленнике. Но как-то вечером, глядя на поющих и веселящихся в передней рабынь, празднующих день именин их подружки, она вспомнила о виоле, вызвала капитана Хорста и велела привести узника. Элану – свою любимую рабыню – послала в сокровищницу за аккордо – клавишным музыкальным инструментом с приятным звуком и складными мехами.

Когда стражники привели пленника, он выглядел подавленным и угрюмым. Равнодушно взглянув на женщину, опустил глаза.

Ахайя жестом отпустила стражников и велела Дайду приблизиться.

– У тебя плохое настроение? – поинтересовалась притворно-сочувствующе. – Тебя кто-то обидел или ты заболел?

– Со мной всё в порядке... – буркнул корсар.

– Вот и славно... Тогда не откажешься спеть что-нибудь?

Дайд покосился на женщину и насмешливо ответил:

– Настроение не простуда. Можно петь и с плохим настро-

ением.

– Я рада, что к тебе вернулось чувство юмора. Садись, сейчас Элана принесёт аккордо, и ты исполнишь для меня один из своих шедевров.

Дайд опустился на резной стул напротив госпожи и сложил на груди руки.

– Не нравится мне твой вид... Ты какой-то бледный. Ты точно здоров?

– Я здоров, но у меня есть сильное желание кого-нибудь прибить... Не выношу клеток, и каждый день пребывания в камере для меня пытка.

– У тебя прекрасная комната. Что бы ты делал, если бы я посадила тебя в настоящую клетку в тёмном сыром подвале?

– Я бы разбил голову о прутья.

– Да, в тебе мало виольской крови... Ты нетерпелив и несдержан.

– Мне не нужна виольская кровь! Я сын своего отца! – с непонятной гордостью воскликнул мужчина.

– Если твой отец был таким же нетерпеливым и вспыльчивым, как ты, тогда понятно, почему твоя мать убила его. Наверное, он сам напросился на неприятности, как постоянно напрашиваешься ты.

Дайд вскочил. Лицо его побледнело, кулаки сжались, глаза яростно сверкнули.

– Не смей говорить плохо о моём отце! Ты... Что ты знаешь о нём?!

– А ты? – спокойно ответила женщина, нисколько не испугавшись внезапной вспышки. – Он умер, когда ты был несмышлёнышем. Ты его не помнишь, и судишь о нём по своим детским фантазиям.

– Конечно, тебе, аристократке, легко смеяться над чужими несчастьями! Наверное, твои родители тебя любили, у тебя была куча нянек, и, конечно же, твоя мать не убивала твоего отца из-за какого-то пустяка.

– Нет, мать его не убивала, – кивнула женщина. – А стоило бы... Когда мне было шесть лет, папаша на моих глазах убил мать... Он был пьяница и лентяй, пропивал все деньги, которые мать зарабатывала тяжким трудом, стирая чужое бельё. Однажды, когда он пропил последнее мамино приличное платье, и она начала упрекать его, он схватил большой мясной нож и всадил ей в грудь по самую рукоятку. Она упала, а этот негодяй начал пинать её ногами, уже мёртвую... Я подбежала и укусила его за ногу... До сих пор помню вкус его крови во рту! Он совсем озверел, мой «драгоценный» папаша, и убил бы и меня, если бы я не вырвалась и не убежала к соседям... Отца казнили, а я осталась сиротой и оказалась на улице. Слава Небесам, эмиссары Школы Меченосцев заметили меня и отправили в крепость. Если бы не они, даже не знаю, кем бы я сейчас была: рабыней, шлюхой?

Пока Ахайя говорила, Дайд слегка остыл и медленно опустился на место. Немного помолчав, он сказал:

– Не знаю, чьё детство было хуже... Извини за вспышку,

но я не люблю, когда насмеются над памятью моего отца. Да, я не помню его и просто выдумал для себя, но мне больно, когда смеются даже над выдумкой.

– Давай оставим наше прошлое и поговорим о настоящем. Я предлагаю тебе службу.

– Снова предложишь рабский ошейник?

– На кой мне цепной пёс? Если я надену на тебя ошейник, то должна буду приставить и охрану. Нет, рабов у меня достаточно. Я предлагаю тебе добровольную службу... Не стану скрывать, ты мне нравишься, Дайд... Тьфу! Имя вот только у тебя дурацкое.

– Альмар... Меня зовут Альмар.

– Прекрасное имя, и нечего его стыдиться!.. Ну, так что скажешь, Альмар?

– Какую должность предлагаешь? Конюха, воина, помощника повара?

Их разговор прервала Элана, принёсшая аккордо.

– Сначала спой мне, а потом поговорим...

Альмар взял инструмент, поставил на колени и пробежал пальцами по клавишам, растягивая меха. Затем устроился поудобней и заиграл. После небольшого вступления зазвучал голос – чистый сильный, высокий. Пел мужчина очень хорошо, Ахайе понравилось. Когда песня закончилась, она сказала:

– Я буду платить тебе два золотых в месяц. Плюс одежда и еда с моего стола. Отдельная комната и мальчик-раб в услу-

жение. Тебя устраивают такие условия?

– И за что такие милости?

– За песни. Ты будешь моим бардом.

Альмар минуту помолчал, задумчиво перебирая клавиши, а потом взглянул в глаза женщины и ответил:

– По рукам, госпожа Ахайя.

– Но я не хочу, чтобы через несколько дней ты исчез.

– Не беспокойся, госпожа, – усмехнулся Альмар. – Только глупец бросает хорошее яблоко ради червивой сливы.

Ахайя наклонилась вперёд, положила узкую ладонь на загорелую руку мужчины и тихо произнесла:

– Я хочу, чтобы мы стали друзьями... А может, нас свяжет нечто большее, чем простая дружба... Кто знает? Мы два яблока с одной ветви, нам есть о чём поговорить. Если хочешь, я научу тебя кое-каким приёмам «меченых»...

– А я тебя игре на аккордо... – усмехнулся мужчина. – А что скажет твой супруг, увидев нас вместе?

– Он не скоро вернётся домой. Пусть тебя это не волнует – у нас с ним особые отношения, не буду вдаваться в подробности...

– Я беспокоюсь исключительно о тебе.

– Спасибо, но я знаю, что делаю. А сейчас тебя надо устроить... Эй, Элана, ступай и позови управляющего и дворецкого.

Рабыня подхватила и поспешила к двери, а новоиспеченный бард вновь растянул меха и начал наигрывать раз-

ные мелодии. Играл он легко и непринуждённо, так же хорошо, как и пел. Женщина с наслаждением слушала, не сводя с мужчины восхищённого взгляда.

Когда вызванные явились, Ахайя представила им Альмара и приказала включить его в список слуг, занести в реестр на выплату жалованья, выделить комнату неподалеку от её апартаментов и предоставить мальчика-раба для услужения. Приказала также, чтобы портной снял с него мерки и пошил несколько красивых костюмов из шёлка и бархата. Ещё она велела выделить барду верховую лошадь, чтобы он мог её сопровождать во время прогулок.

Ни дворецкий, ни управляющий не выказали никакого удивления внезапным превращением пленника в фаворита, молча выслушали все распоряжения и записали пожелания.

Когда они остались одни, Альмар снова заиграл и запел. Затем он рассказал несколько забавных историй из корсарской жизни, и они весело посмеялись. Госпожа и бард болтали и хохотали, как старые друзья, и расстались только поздно вечером, когда женщина почувствовала, что устала и хочет спать. Весёлый смеющийся Альмар был намного симпатичнее и привлекательнее хмурого и злобного Дайда. Лежа в одиночестве на большой, но пустой и холодной постели, Ахайя вспоминала проведённый вечер, и поняла, что невольно влюбилась в дерзкого, но обаятельного корсара, и хочет его не только как друга, но и как мужчину.

– Он будет, будет моим... – прошептала она, засыпая.

Глава 5

Несколько дней Ахайя проводила время исключительно в обществе Альмара. Они совместно завтракали, занимались текущими делами, выезжали на вечерние прогулки. Много разговаривали, рассказывая друг другу истории из своих жизней. Альмар, ко всем своим достоинствам, оказался ещё и превосходным рассказчиком, не лишённым чувства юмора, а также умным советником. Несколько его рекомендаций Ахайя применила в хозяйстве.

Альмара очень интересовала Школа Меченосцев, о которой часто упоминала женщина, и однажды он попросил рассказать о ней подробнее.

– Школу Меченосцев в крепости Святой Лианны организовала виолка Ясса, Главный Советник и близкий друг первого короля Ландии. Её родственницы и подруги стали первыми наставницами Школы, – начала рассказ Ахайя. – В Школе есть три факультета: стражников, телохранителей и воинов. На первые два берут и мальчиков, и девочек, на третий только мальчиков, в основном, из богатых семей, которые могут оплатить обучение своих отпрысков. Выпускники этого факультета – будущие военачальники. Их учат не только воинскому искусству, но также тактике, стратегии и другим военным премудростям.

– А какой факультет закончила ты?

– Телохранителей. Вот, посмотри на мои предплечья, – Ахайя без стеснения оголила плечи и часть груди. Взгляд мужчины сразу прикипел к её прелестям, а затем, нехотя, переместился на предплечья, где темнели чёрные татуированные знаки.

– Из-за этих татуировок нас и прозвали «мечеными», – продолжила Ахайя. – На левой руке у меня эмблема Школы – пересечённое мечом солнце. На правой, вот этот круг, а в нём рука, сжимающая за лезвие кинжал – эмблема телохранителей. У стражников другой знак – перекрещивающиеся раскрытый глаз и меч, а у воинов – меч и стрела, тоже перекрещенные.

– Ты говорила, что в Школу берут только детей. А взрослых?

– Никогда. Только детей от шести до девяти лет.

– Почему?

– Во-первых, обучение длится десять лет, для особо одарённых – двенадцать. Не знаю, чему их там учат, но говорят, что это уже не просто телохранители или воины, а мастера высшего уровня... Даже опытные и закалённые в битвах «меченые» уступают им дорогу... А во-вторых, наставницы говорят: «Чтобы натаскать хорошего пса, его надо учить со щенка». Мы проходили комплекс упражнений, который под силу только юному гибкому телу, ещё не окостеневшему и не покрытому мышечной массой.

– Понятно... Ты говорила, что детей берут прямо с улицы?

– В большинстве случаев. Специальные эмиссары Школы ездят по разным городам и подбирают бездомных детей. Не знаю, какими критериями они руководствуются, потому что берут не всех.

– И много вас было в крепости?

– Первый год – много. Затем количество начало резко сокращаться. Слабых, ленивых, строптивых выбраковывали. По слухам, их продавали в рабство.

– Разве это справедливо?

– Я, думаю, да. Слабый, ленивый или трусливый должен служить сильному. Быть «меченым», значит, быть особенным человеком. Любой из нас, к середине жизни, добивается славы или богатства, благодаря приобретённым в Школе качествам. А, если ты не хочешь учиться, не можешь терпеть боль, подавлять страх, переносить определённые лишения, не стремишься к совершенству – значит, ты уже раб, раб своей лени и своих комплексов. Слабый должен подчиняться, сильный – править, таков закон нашей жизни.

– Как же вас учили? Сразу дали в руки меч и заставили драться? Представляю себе маленьких крошек, махающих мечами...

– Первый раз я взяла в руки деревянный меч, когда мне исполнилось десять и я сдала экзамен на мужество.

– А до этого что делала?

– До этого наставницы испытывали меня и закаляли физически и духовно... Ты говорил, что рос у чужих людей.

Они любили тебя?

– Наверное. Я не чувствовал себя в чём-то ущемлённым.

– Сладко спал, вкусно ел?

– Не скажу, что голодал. И спал в своё удовольствие.

– А вот, как жила я с шести лет и до шестнадцати...

Подъём с восходом солнца. Затем обливание холодной водой, личная гигиена и уборка комнат. После лёгкая разминка. Завтрак и силовые упражнения до самого обеда. После обеда отдых два часа, а потом индивидуальные занятия. До десяти лет, с точки зрения обывателя, это были сплошные ужасы. Например, порка. Тебя бьют плетью или розгами, а ты не должен ни кричать, ни плакать. Так нас приучали терпеть боль. Или запирали в специальном тёмном помещении, куда запускали крыс. Выйти оттуда испытуемый мог, убив не менее трёх животных. Притом, голыми руками. Поначалу крысы искусили мне все руки, но затем я наловчилась их душить. К жестокости приучали, заставляя убивать и разделять милых пушистых кроликов или маленьких щенков. Терпеть голод учили постепенно: сначала лишали обеда, затем ужина, а к десяти годам мы регулярно постились два дня в месяц. Чтобы ученики не боялись холода и темноты, запирали голыми в холодном погребе. Выдержку воспитывали, заставляя часами стоять неподвижно в одной позе... И только тот, кто перенёс все эти «издевательства», не сломался и не сдался, прошёл проверку на мужество – только тот получал в руки первый деревянный меч. И начинал обучение во-

инскому искусству. В четырнадцать тем, кто прошёл соревнование мастерства, давали бронзовый меч. В последний год обучения, дошедший и доживший до этого радостного события, получал настоящий стальной меч, который выбирал сам, по своему вкусу, и с которым впоследствии выпускался из Школы.

Альмар удивлённо присвистнул.

– Можно сказать, что у тебя не было детства.

– Благодарю Небеса, что ты родился мальчиком, а не девочкой. Говорят, виолки натаскивают своих дочерей ещё жёстче, чем нас в Школе.

Альмар улыбнулся и взял женщину за руку.

– Теперь, после твоего рассказа, я понял, что должен быть благодарен своей матери за то, что она отдала меня в чужие руки, а не воспитывала сама. Ты тоже будешь издеваться над своим сыном?

– Думаю, нет... Точно, нет! Но всё же я хотела бы, чтобы он стал хорошим воином.

– А если у тебя родится дочь?

– Я её тоже воспитаю в воинском духе.

– Расскажи о своём супруге. Я слышал, он постоянно путешествует. Почему ему не сидится дома, возле такой прекрасной женщины? Если бы я был твоим мужем, я ни за что не оставил бы тебя одну...

– Мой супруг не любит долго сидеть дома. Он приезжает только за деньгами.

– Он не любит своего сына? Мальчик растёт без отца.

– Нет, он его любит... Но не любит замок.

– А тебя он любит?

– Мы с ним просто друзья.

– Друг не заставит друга страдать в одиночестве.

– Не очень я и страдаю, – улыбнулась Ахайя.

– У тебя есть любовник?

– Пока нет...

Альмар нежно поцеловал кончики пальцев госпожи и сказал:

– Я снова рискую показаться дерзким, но не мог бы я разделить твоё одиночество? Я могу согреть твоё ложе жаром своей страсти...

Ахайя засмеялась и погладила мужчину по щеке.

– А почему бы и нет? Попытка – не пытка...

– Может, прямо сейчас?

– Если ты готов...

– Я давно готов, моя госпожа... Мне уже не в силах терпеть!

Не говоря ни слова, Ахайя встала и направилась в спальню. Альмар последовал за ней. Увидев огромную кровать, иронично поинтересовался:

– И как ты не потерялась на этом поле?

Ахайя повернулась к мужчине и с вызовом произнесла:

– Покажи, на что ты способен, виол!

Альмар хищно улыбнулся и приблизился к женщине

вплотную. Обняв ладонями лицо, наклонился, и Ахайя ощутила лёгкий нежный поцелуй. Затем его губы скользнули ниже, покрывая шею и плечи жаром горячего дыхания и невесомыми прикосновениями. Руки скользнули по плечам и спине, снимая лёгкое домашнее платье, которое с тихим шёлковым шелестом соскользнуло вниз и упало у ног, обнажив стройную фигуру с большой упругой грудью. Губы с жадностью припали сначала к одному, затем к другому соску, нежно посасывая и слегка покусывая. Язык энергично щекотал их, трепеща, словно попавшая в западню бабочка. Небывалое возбуждение охватило изголодавшееся тело женщины, и она нетерпеливо застонала. Но Альмар продолжал ласкать её, медленно опускаясь вниз, языком и губами поглаживая кожу живота, бёдер, ног.

Закончив облизывать женщину спереди, он повернул её спиной к себе и начал всё сначала, только в обратном порядке. Лёгкие поцелуи, покусывания и полизывания начались с ног, поднялись к твёрдым подтянутым ягодицам, прошлись по спине и закончились на плечах и затылке. Ахайя уже дрожала от нетерпения и сильного возбуждения, отрывисто дышала и постанывала, но не торопила ласк, которые, сами по себе, были очень приятны.

Положив одну ладонь на затылок женщины, а другую на плоский мускулистый живот, он заставил её наклониться вперёд и облокотиться руками о кровать, оттопырив круглую попку. Одним движением спустив штаны, освободил вздыб-

ленное и нетерпеливо подрагивающее достоинство. Медленно и нежно начал тереться о бархатистую кожу, с каждым движением неуловимо и незаметно продвигаясь всё ближе к заветной цели. Тем временем его руки лихорадочно сбрасывали остатки одежды. Обнажившись полностью, он положил руки на бёдра женщины и неожиданным, сильным и резким, движением вошёл в переполненную соками желания щель. Ахайя вздрогнула и даже охнула, но тут же прогнулась от удовольствия, подстраиваясь под сильные напористые движения любовника.

Страстные колебания длились недолго, так как оба давно не знали плотской любви. Бурный сильный экстаз охватил обоих, и они излились с громкими стонами наслаждения.

Выйдя из женщины, Альмар опустился на колени и припал губами к влажному набухшему лону. Сильными сосательными движениями и умелой работой языка очистил его, и вновь возбудил женщину. Затем сел на край ложа, широко расставив ноги, и попросил:

– А теперь ты помоги мне, и мы продолжим начатое...

Ахайя без возражений опустилась на колени и взяла в рот слегка обмякшее орудие любви. Лаская языком и губами, поглаживая руками, быстро привела его в боевую готовность, и любовники перебрались на кровать.

На этот раз совокупление было более продолжительным, не менее страстным, и намного разнообразнее. Они кувыркались на широком любовном поле, пока совсем не смяли

и не сбили узорчатое покрывало. Тишину спальни нарушали страстные стоны, возбуждённые восклицания, звуки любовной игры и неистового совокупления. Обнажённые тела покрылись потом и соками телесных выделений, волосы взъерошились, дыхание сбилось.

Только спустя несколько часов они насытились и успокоились, расслабившись в усталой неге. Ахайя находилась на вершине блаженства – давно у неё не было такого сильного, горячего, изобретательного и выносливого любовника. Альмар тоже не разочаровался – в постели женщина оказалась покладистой, страстной и раскованной, в отличие от повседневного облика всевластной и высокомерной госпожи.

С этого дня они стали формальными любовниками, и теперь Ахайя никогда не спала одна. Альмар оказался любвеобильным и неистощимым, с богатой фантазией, отчего ночи, а зачастую и дневные часы, проходили занимательно и разнообразно. В другое свободное время женщина обучала его приёмам борьбы и самообороны, а он учил её игре на аккордо.

Уже все в замке знали, что бард Альмар не только поёт госпоже... Но говорили об этом тихо и с оглядкой, так как Ахайя не терпела пересудов за спиной. Мало кто осуждал поведение госпожи, так как господин сам был виноват в своих бедах. Кто же оставляет красивую женщину одну на столь продолжительное время?

Астон, в очередное посещение, одобрил выбор супруги.

Альмар ему понравился, и он с удовольствием общался с виолом.

По настоянию Ахайи, Астон вынужден был спать вместе с ней, так как женщина решила родить ещё одного ребёнка – от Альмара. Астон не возражал против прибавления семейства, так как любил детей и обожал Лароса. Малыш уже настолько подрос, что с ним можно было играть.

Пробыв в замке достаточно долго, чтобы создать видимость зачатия и успеть надоесть супруге, Астон отбыл в очередное путешествие, прихватив с собой приличную сумму на расходы. Ахайя вновь осталась одна, но не в одиночестве. Рядом находился тот, кого она искренне любила, и от которого уже ждала ребёнка.

Глава 6

Эта беременность проходила не так спокойно, как первая. Ребёнок оказался очень беспокойным, постоянно крутился, стучал ножками в бока, словно желал поскорее выйти наружу. Домашний лекарь, присматривавший за госпожой, посоветовал ей побережься, чтобы не скинуть плод. Он рекомендовал отказаться от верховых прогулок и постараться воздерживаться от волнений.

Когда живот стал довольно большим, Ахайе вновь пришлось спать одной, так как она боялась навредить ребёнку. К тому же, у неё появилось странное отвращение к интимной близости, и она часто отказывала возлюбленному в ласках, чем расстраивала его, а иногда и сердила. Но он не смел настаивать или возражать, понимая, что, хотя имеет при госпоже большие льготы и поощрения, но всему есть предел, и лучше не переступать недозволенных границ. Настроение беременной женщины весьма изменчиво, и можно совсем неожиданно нарваться на грубость или впасть в немилость.

При встречах с любовницей, Альмар был неизменно ласков и нежен, заботлив и предупредителен, радовался, что у него родится ребёнок. Ахайя не могла ни в чём заподозрить любимого, пока, однажды, тщательно скрываемая правда не выплыла наружу и не разверзла пропасть лжи и обмана под её ногами.

Отдыхая после полудня, как посоветовал лекарь, женщина задремала, разморенная приближающейся грозой. Но первые сильные раскаты грома разбудили её. Покрутившись некоторое время, и не сумев снова уснуть, она, мучимая жаждой, позвала личную рабыню Элану, которая должна была всё время находиться при госпоже, исполняя малейшие её желания. Но на сей раз девушка не прибежала на зов, как обычно, и раздражённой Ахайе пришлось встать и выйти в переднюю. Комната пустовала. Не оказалось рабыни и в общей комнате, где другие служанки занимались повседневной работой.

– Вы не видели Элану? – спросила у них женщина.

Девицы дружно замотали головами, но по их быстрым тревожным взглядам, которыми они обменялись между собой, Ахайя поняла, что девушки что-то скрывают. Зная, что допытываться бесполезно – служанки всё равно не выдадут подружку, Ахайя приказала одной из них, с которой, как она знала, Элана не ладила, принести из ледника прохладного напитка из ягод перси, а сама вышла на балкон и позвала дежурного стражника. Когда тот поднялся в её апартаменты, она поставила его у дверей девичьей и приказала никого не выпускать под страхом увольнения. Вернувшись в спальню, стала ждать возвращения посланной за напитком рабыни.

Вскоре та пришла, неся небольшой запотевший кувшин с пенистым оранжевым напитком. Утолив жажду, Ахайя спросила:

– Так ты знаешь, где Элана?

– Я... Я не знаю... – пробормотала рабыня, не глядя на госпожу.

– Лжёшь. Может, хочешь, чтобы я взяла плеть и выбила из тебя правду?

Девушка испуганно сжалась, но ответила:

– Я, в самом деле, не знаю, где Элана! Я не видела, куда она пошла...

– Но догадываешься?

– Я...

– Говори! Не покрывай эту негодницу, ведь она тебе даже не подруга!

– Я думаю... она... с господином Альмаром... – нерешительно произнесла девушка.

Ахайя удивилась. Она ожидала, что Элана развлекается с каким-нибудь стражником или слугой в укромном уголке замка.

– И давно она бывает у господина Альмара?

– С того времени, когда приезжал хозяин. Они встречаются не часто, только когда вы спите... – уже смелее заговорила рабыня.

Разочарование, обида и гнев захлестнули сердце женщины жгучей волной. О, Альмар! О, низкий предатель! Ты оказался таким же, как все мужчины – неверным, несдержанным, падким на чужие прелести, ненасытным кобелем!

Вне себя от гнева, Ахайя сняла со стены меч и решительно

направилась к двери. Увидев, что госпожа приближается с оружием в руках, рабыня побледнела и задрожала от страха. Упав на колени, она закрыла голову руками и запричитала:

- Не убивайте меня, госпожа!.. Не убивайте!..
- Оставайся здесь и не смей выходить! – приказала Ахайя, проходя мимо.

Она прошла вдоль разделяющего комнаты коридора и бесшумно приблизилась к дверям спальни Альмара. Прислушавшись, уловила характерные звуки бурного совокупления. Ярость с новой силой вспыхнула в груди женщины. Она толкнула дверь всем телом, и та, на удивление, легко распахнулась – так были уверены в своей уединённости беспечные любовники.

Ахайя ввалилась в комнату и узрела красноречивую картину: распростёртого на ложе Альмара и восседающую на нём в позе наездницы голую Элану, которые с ужасом уставились на госпожу.

Ослеплённая яростью и ревностью, Ахайя взмахнула мечом и рассекла горло рабыни, едва не отделив голову от туловища. Захрипев, Элана повалилась навзничь, заливая Альмара хлынувшей из раны кровью. Этим она спасла Альмара от второго удара, который пришёлся по её уже мёртвому телу. Мужчина не стал ждать третьего, более точного, сбросил с себя тело любовницы и скатился на пол. Ловко вскочив, он перепрыгнул стол и закрылся ним, словно щитом.

– Дорогая, успокойся! – вскричал он. – Что это на тебя

нашло?

– Ты ещё спрашиваешь?! – удивилась наглости возлюбленного женщина. – Ты, мерзкий предатель! Как ты посмел, после моих объятий, совокупляться с моей же рабыней?

– Я понимаю твой гнев, но он здесь неуместен. Я давно не был в твоих объятиях, а, обнимая твою рабыню, думал только о тебе!.. И я не раб, чтобы совокупляться только по твоему высочайшему позволению...

– Что ты сказал?!

– Я сказал, что свободен в своих чувствах и не обязан любить только тебя!

Внезапно сердце Ахайи пронзила сильная, обжигающе-холодная боль, разлившаяся в груди ледяной волной обиды и отчуждённости. Её сменили апатия и равнодушное спокойствие. Скорбь и ревность, терзавшие сердце, ушли, как уходит от берега волна, оставляя на мокром песке гниющий мусор и грязную пену. Так и перенесённая обида оставили в сердце лишь презрение и отвращение к человеку, прячущемуся от её гнева за тяжёлым столом.

– Разве ты любил меня по принуждению? – с горечью произнесла она. – И все слова, что шептал мне в порывах страсти, были ложью? Ты мерзкий, лживый негодяй, и заслуживаешь смерти... Но я не повторю ошибку твоей матери. Я тебя не убью. Я тебя выгоню, как негодного и неверного пса. А когда ребёнок вырастет, расскажу ему всю правду об отце, и пусть он сам решает, кто из нас прав, а кто виноват...

Она отвернулась от пристыжено молчавшего Альмара и вышла в коридор, холодно взглянув на сбежавшихся на шум слуг.

– Позовите капитана Хорста, – приказала. – Немедленно!

Кто-то из слуг бросился выполнять поручение, а женщина устало опустилась на услужливо подставленный кем-то стул.

Через несколько минут пришёл запыхавшийся капитан в сопровождении двух солдат – по-видимому, посыльный успел рассказать ему о драме, разыгравшейся в апартаментах хозяйки.

– Господин капитан, приказываю немедленно вывести из замка барда Альмара и проследить, чтобы его нога больше не ступала на мои земли. Если он попытается вернуться или не захочет уходить, можете применить к нему достаточную силу, чтобы он понял, что ему здесь не место. Но не убивайте его... Ещё я желаю, чтобы он ушёл в том виде, в каком пришёл – без одежды и драгоценностей, которые он обманом выманил у меня. Выполняйте приказ, господин капитан.

– С удовольствием, моя госпожа! – оскалился в довольной улыбке капитан, склоняясь в низком поклоне. Он подал солдатам знак и те вломились в спальню Альмара, едва успевшего натянуть штаны, и выволокли его наружу. Пинками и тычками помогая ему идти быстрее, протащили мимо равнодушно взиравшей на всё это Ахайи, и вытолкали за дверь.

– Ты пожалеешь ещё об этом, ведьма! – донёсся до женщины яростный вопль бывшего возлюбленного, оборвав-

шийся от крепкой зуботычины. Внезапно Ахайю охватила такая печаль, что она не выдержала и зарыдала, как плачут все жестоко обманутые в своих лучших чувствах женщины – горько, громко, навзрыд. Слезы, такие непривычные для её высокомерного лица, горячие и солёные, лились ручьём, она всхлипывала и рыдала, как обиженный ребёнок, не обращая внимания на молча взиравших на всесильную и строгую госпожу слуг. Внезапно Ахайя почувствовала на плечах чьи-то заботливые руки и услышала обеспокоенный встревоженный голос лекаря:

– Дитя моё, вам нельзя волноваться! Успокойтесь, милая! Идёмте, я отведу вас в спальню...

Ахайя послушно поднялась и пошла к себе, поддерживаемая заботливой рукой лекаря. Он уложил госпожу в постель и напоил какими-то каплями, добавив их в напиток. Вскоре она успокоилась и уснула глубоким сном без сновидений. Когда проснулась спустя несколько часов, то была вялой и равнодушной. Лекарь всё время находился рядом, заботливо ощупывал её живот и прослушивал плод через деревянную трубочку. Только удостоверившись, что и мать, и дитя в безопасности, оставил их на попечение услужливых рабынь.

Глава 7

Всё проходит: и радость, и печаль. Ахайя успокоилась и постаралась забыть о вероломном предателе. Она послала супругу письмо, прося его прибыть к сроку родов. Астон не заставил себя ждать и явился с подарками.

В положенный срок женщина родила чудесную девочку: светлокожую, с чёрными пуговками глаз и светлым пушком волос на голове. Малышка явно была похожа на отца, но Астон радовался ей, как своей собственной. Он снова закатил пир, созвал на именины родственников и соседей и дал дочери имя, которое выбрала Ахайя – Айода, что значило "ненаглядная, обожаемая".

Роды были такими долгими, трудными и мучительными, что женщина зареклась больше иметь детей. Она долго приходила в себя, но всё же её сильное тело восстановилось, и она поправилась.

Как только супруга полностью оправилась, Астон снова собрался в путь. Ахайя уговаривала его остаться и пожить дома, завести себе хоть целый гарем юных наложников, но Астон ответил, что замок его угнетает, и просил не задерживать. Скрепя сердце, Ахайя отпустила супруга.

Когда он уехал, женщина вновь остро ощутила одиночество. Она снова возобновила ежевечерние верховые прогулки и, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, затеяла пере-

стройку замка.

Однажды, когда она собиралась на очередную вечернюю прогулку, дежурная рабыня доложила, что управляющий просит аудиенции.

– Пусть заходит, – разрешила Ахайя.

Когда управляющий вошёл и вежливо поздоровался, женщина спросила:

– Что случилось, господин Торрест?

Ахайя знала, что по пустякам её не станут беспокоить.

– Госпожа, бродячий торговец привёл партию рабов...

– Ну и что здесь такого? – удивилась Ахайя. – Нам не нужны рабы?

– Нужны... Но дело в том, что этот торговец подозрительный... Он не похож на честного купца, скорее всего, якшается с пиратами, и товар его, соответственно, «чёрный».

– Что из этого? Мы не королевские судьи, это их забота, следить за нравственностью купцов и торговцев. К тому же, мы не уверены, что товар нечестный. Если товар хороший и стоит недорого, его нужно брать. Какое наше дело, как его приобрёл торговец – лишь бы не украл у соседей.

– Вы совершенно правы, госпожа, – склонился в поклоне управляющий. – Простите, что побеспокоил вас... Не хотите ли взглянуть перед отъездом? У него смешанная партия: и мужчины, и женщины, и дети. Возможно, вы что-то выберите для личных нужд.

– Хорошо, я посмотрю, – согласилась Ахайя.

До сих пор женщина никогда не занималась покупкой рабов – это было приоритетом управляющего и его двух помощников. Потому, спустившись во двор и увидев толпу грязных измученных людей, скованных цепями и окружённых стражниками, невольно ощутила укол не свойственной ей жалости к этим несчастным созданиям.

Пробежавшись по толпе пристальным взглядом, сразу отметила юную женщину с большим выпуклым животом, которую бережно поддерживал высокий стройный мужчина ас-светской наружности, и красивую алмостку, за юбку которой цеплялась девчушка лет пяти.

Управляющий, держа в руках какой-то список, вызывал из толпы мужчин, кратко с ними беседовал и что-то отмечал в списке. Отобранных рабов помощники отводили в сторону, где уже стояли несколько мускулистых сильных мужчин под охраной двух замковых стражников.

– Как идут дела? – поинтересовалась Ахайя, подходя.

Торрест сокрушённо покачал головой.

– Это всякий сброд. Нам нужны специалисты: каменщики, плотники, кузнецы или, хотя бы, опытные виноградари. А эти годятся, разве что, в разнорабочие. Где он их набрал?

Стоящий в стороне торговец в запыленном поношенном костюме, с подобострастием поклонился госпоже и виновато развёл руками:

– Прошу прощения, но что есть, то есть... В наше время трудно найти хороших рабов, милостивая госпожа. Одни

безродные и бездомные бродяги.

– Но я вижу, ты уже кого-то отобрал, – сказала Ахайя.

– Так... Рабочая сила. Боюсь, за хорошими специалистами придётся ехать в Нейм.

– Придётся, значит поедешь... Я хочу, чтобы строительство было завершено до прибытия господина ди Вермиса. Это станет ему приятным сюрпризом...

– Вы так балуете его, миледи... – польстил управляющий. – Вы просто святая женщина!

Ахайя пропустила лесть Торреста мимо ушей и вновь окинула взглядом толпу рабов. Затем указала на девочку и приказала:

– Приведите её!

Один из помощников управляющего бросился к девчужке и схватил её за руку. Малышка испуганно прижалась к матери, вцепившись в подол крошечными ручонками. Женщина тоже прижала к себе дочь и что-то запричитала по-алмостски. Помощник потянул девочку к себе и замахнулся на женщину.

– Оставь их! – резко приказала Ахайя, и помощник испуганно отступил.

– Подойди ко мне, маленькая, – произнесла Ахайя по-алмостски.

Малышка с любопытством посмотрела на странную тётю, одетую в красивый кожаный костюм, на котором висели множество золотых блестящих украшений, вывернулась из объ-

ятий матери и смело приблизилась. Женщина присела и взяла девочку за руку.

– Как тебя зовут, маленькая?

– Суара... – спокойно ответила малышка и потрогала золотую застёжку на груди женщины. – И я уже не маленькая. Мне вот сколько лет! – растопырила она пять пальчиков.

– Там стоит твоя мама?

Девочка оглянулась на тревожно следящую за дочерью женщину и улыбнулась ей.

– Да, это моя мама, – ответила она.

– А где твой папа?

– Он умер, его убили пираты, – на удивление спокойно ответила девочка.

– У тебя есть братья или сёстры?

– Нет.

– А ты любишь играть с другими детьми?

– Да, – кивнула девочка. – Дома у меня была подружка, и мы часто с ней играли. У меня была такая красивая кукла...

– У меня есть сын, он ещё маленький – вполовину младше тебя. Но у него нет ни друзей, ни подружки, с которыми он мог бы играть. Я возьму тебя к себе, и ты будешь играть с ним, и следить, чтобы его никто не обижал... Согласна?

– Да, – кивнула девочка.

Ахай поднялась и сказала управляющему:

– Я беру девочку в детскую. Она будет развлекать юного господина. Её зовут Суара и она не говорит по-илларийски.

Торрест сделал какие-то пометки в своём списке и кивнул помощнику. Тот взял ребёнка за руку и повёл к группе отобранных рабов.

Женщина, увидев, что дочь уводят, громко вскрикнула и бросилась следом, но стражники схватили её и повалили на землю. Упав на колени, женщина запричитала:

– Госпожа! Не разлучайте меня с дочерью! О, великодушная и милостивая госпожа, не забирайте её у меня!

– Твоя дочь уже достаточно большая, чтобы не нуждаться в твоей опеке, – холодно ответила Ахайя. – Она будет сыта, одета и у неё будет нетяжёлая приятная работа. Ты должна радоваться, а не стенать, женщина!

– Она ещё совсем крошка, госпожа, – зарыдала алмостка. – Боги лишили её дома, отца и свободы, не забирайте у неё последнее – любовь её матери!

– Прекрати лить слёзы, а скажи лучше, что ты умеешь делать? Если твоё ремесло мне понравится, возможно, я возьму тебя тоже, и тогда ты сможешь видеться с дочерью.

– Я согласна на любую работу, госпожа, я буду делать всё, что вы прикажете!

– У меня достаточно рабынь, заинтересуй меня.

– Я умею вязать кружева... Я хорошо вяжу, поверьте, госпожа!

– Это достойное занятие. Назови своё имя.

– Фиара Ориеста... – всхлипывая, ответила женщина.

– Здесь никого не интересует твоё родовое имя. Здесь ты

просто Фиара, кружевница, – строго ответила Ахайя. Алмостка, опустив голову, горько заплакала. – Её зовут Фиара и она кружевница, – обратилась Ахайя к управляющему. – Определи её в мастерские.

Торрест вновь зацарапал пером по бумаге, а помощник поднял женщину и отвёл к избранным, где она крепко обняла дочь.

Не обращая больше внимания на алмостку, Ахайя перевела взгляд на беременную девушку. И она, и мужчина, поддерживавший её, были похожи на ассветов: высокие, статные, светловолосые и голубоглазые, с характерными ассветскими чертами лиц. Потому Ахайя, указав на девушку, произнесла по-ассветски:

– Подойди ко мне, рабыня.

Девушка сжалась, втянула голову в плечи, бросила на мужчину взгляд, словно ища у него защиты, но всё же послушно приблизилась. Потупив взор и сложив руки на выпуклом животе, она стояла перед грозной госпожой, и губы её испуганно подрагивали.

Ахайя окинула девушку внимательным взглядом и спросила:

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – еле слышно ответила девушка по-ассветски, но с лёгким необычным акцентом.

– Когда же ты успела отрастить такой живот? – усмехнулась Ахайя. – Разве тебе никто не рассказывал об отваре из

корня шитии, предохраняющем от нежелательной беременности? Или это желанный плод? – Девушка пристыжено молчала, её светлое веснушчатое лицо залилось густым румянцем смущения. – Когда роды?

– Примерно, в конце следующего месяца...

– Кто твой спутник? Супруг или любовник?

Девушка бросила на госпожу стыдливый взгляд и отрицательно качнула головой.

– Это Байдар... Мой брат...

– Единокровный?

– Да.

Ахайя посмотрела на ассвета более внимательным взглядом и отметила некоторое сходство с девушкой.

– А где же твой муж? Если такой существовал...

– Он... Он умер...

Из больших красивых глаз закапали крупные, как горошины, слёзы.

– Что ты умеешь делать? Какому ремеслу обучена?

– Ничего... – прошептала девушка. – Я росла в обеспеченной семье и меня не учили никакому ремеслу...

Ахайя взглянула на грязные, но нежные руки девушки с тонкими изящными пальчиками и вздохнула.

– Так ты из хорошей семьи?

– Да... Мой отец богатый торговец лошадьми.

– Ну, может, ты умеешь петь, танцевать, вышивать шёлком, изящно писать?

– Я умею петь! – обрадовалась девушка. – Меня обучали музыке и пению.

– И на аккордо умеешь играть?

– Это мой любимый инструмент, – улыбнулась девушка.

– Как твоё имя?

– Катиана, госпожа.

– Будешь певицей. Но если мне не понравится твоё пение, я отправлю и тебя, и рождённого тобой малыша на рынок в Нейм.

Она подала знак управляющему и девушку отвели к избранным.

Как только помощник повёл Катиану, вперёд вышел её брат, опустился на колени и произнёс на ломанном илларийском языке:

– Возьмите и меня, госпожа.

– А что ты умеешь делать?

– Я хороший конюх. Я с детства рос рядом с лошадьми, понимаю их язык, знаю их повадки, умею объезжать и укрощать.

Ахайя задумчиво посмотрела на коленопреклоненного мужчину. На него было приятно смотреть. Под чистой загорелой кожей угадывались стальные мускулы, а за спокойным взглядом небесно-голубых глаз чувствовались уверенность и решительность.

Женщина подняла руку и подала знак одному из слуг.

– Пусть приведут Дракона, – приказала.

Управляющий забеспокоился и начал отдавать распоряжения. Двор пришёл в движение, освобождая место для буйного жеребца. Люди жались под стенами, когда двое конюхов, держась настороже, привели под уздцы коня. Учув столько чужих, Дракон злобно оскалился и сердито зафыркал, нервно пританцовывая и сверкая выпуклыми фиолетовыми глазами.

– Это мой любимый конь, – произнесла Ахайя и ласково потрепала жеребца по холке. – Он всем хорош: сильный, красивый, смелый, быстрый, выносливый... Но у него есть небольшой недостаток: несносный характер. Он покусал и покалечил не одного конюха. Если сумеешь сесть на него и удержаться в седле хотя бы несколько минут, я возьму тебя конюхом и разрешу видеться с сестрой, хоть каждый день. Согласен?

Вместо ответа Байдар поднялся и смело приблизился к злобно косившему на него жеребцу. Забрал у конюхов повод, и те с облегчением отскочили в сторону. И, хотя его запястья были скованны короткой цепью, это не помешало ему уклониться от укуса и ловко вскочить в седло. Конь замер, словно опешил от такой наглости. Затем испустил пронзительное ржание и взвился на дыбы. Но Байдар сидел, словно приклеенный.

Дракон будто сошёл с ума: начал высоко подпрыгивать на месте, подкидывать задом, бить в воздухе копытами и танцевал на задних ногах. Он кружился на месте, словно на него

напала вертячка, и падал на колени. Но наездник твёрдо держался в седле, с силой натягивая поводья и держа их уверенной рукой.

Внезапно Дракон сорвался с места и помчался к открытым воротам. Сердце Ахайи тревожно вздрогнуло: что, если и конь, и всадник сбегут? Но дежурные стражники не растерялись. Один из них выдернул тормоз на барабане с цепями, и тяжёлая защитная решётка с грохотом упала вниз, перекрыв выход перед самым носом коня. Дракон встал, как вкопанный, низко опустив голову. Другой, менее опытный наездник, перелетел бы через его шею и врезался в толстые кованые прутья. Но Байдар откинулся назад, упёршись ногами в стремяна, и с силой натянув повод, ранил губы жеребца до крови.

Видя, что и этот манёвр не удался, Дракон вновь сорвался с места и помчал по периметру двора, распугивая людей и дразня дворовых собак. Ахайя лишь посмеивалась, вспоминая, что вытворял жеребец, когда она села на него впервые.

Сделав по двору с десяток бешеных кругов, Дракон сбавил темп. Он явно выбивался из сил. Его бока покрылись мылом, а с губ капала кровавая пена. Байдар, почувствовав поражение жеребца, взял поводья в сильные руки и начал им управлять. Подъехав к женщине, ловко спрыгнул на землю и посмотрел на неё открытым уверенным взглядом.

– Я выполнил ваше распоряжение, госпожа, – сказал он.

– И я беру тебя, – улыбнулась Ахайя и повернулась к

управляющему. – Запиши: Байдар, конюх. Он будет смотреть за Драконом и Жемчужиной.

Жемчужина – вторая личная лошадь Ахайи. Длинноногая серебристо-серая «в яблоках» кобылка с красивыми тёмно-карими глазами и чёрными хвостом и гривой.

Больше в толпе рабов никто не привлёк внимания женщины. Она приказала увести Дракона и оседлать Жемчужину, села в седло и покинула замок, отправившись на ежевечернюю прогулку.

Глава 8

Через месяц Катиана, новая певица и приближённая рабыня Ахайи, родила очень хорошенькую девочку. Роды прошли лёгко, несмотря на юный возраст матери, и вскоре молодая женщина вернулась к исполнению своих обязанностей при госпоже.

Ахайя уже знала историю рабыни. Она и брат родом с Гритланда – большого острова-княжества на юге. Рано лишившаяся матери, которая умерла от какой-то болезни, выросшая без строгого надзора отца, вечно занятого делами, Катиана росла избалованной и своевольной. В пятнадцать лет влюбилась в одного из отцовских пастухов – красавца, весельчака, балагура и сердцееда. Опытный в амурных делах мужчина легко соблазнил неискушённую девушку, и они начали тайно встречаться. Но когда любовник узнал, что девица понесла, и срок достаточно большой, чтобы без ущерба для здоровья избавиться от плода, он испугался гнева её отца, бросил несчастную и скрылся. Когда выросший живот стало невозможно скрывать, и о позоре узнал отец, то просто взбесился и выгнал дочь из дома, приказав навсегда забыть его честное имя и никогда не называть людям. На удивление, Байдар, с которым они до этого не были особенно близки, заступился за сестру и тоже рассорился с отцом. Он последовал за Катианой, своим участием, вниманием и заботой

поддержав её в трудную минуту.

Сначала изгнанники уехали в соседний город, а затем сели на корабль и отправились в Илларию, где Байдар рассчитывал поступить на королевскую службу. Но возле Майривских островов на них напали пираты, захватили корабль, всех уцелевших взяли в плен, а затем продали бродячему работорговцу.

Так несчастные попали в Илларию, куда и стремились, но уже в качестве бесправных рабов, а не свободных людей. Но Катяна не жаловалась на судьбу. Она считала, что ей повезло, так как она попала к хорошей доброй хозяйке, которая её любила и баловала.

Но Ахайя не столько любила Катяну, которая, впрочем, неплохо пела и хорошо танцевала, развлекая её в одинокие часы, сколько положила глаз на её брата. Байдар довольно часто посещал сестру, так как девушкам запрещалось покидать апартаменты госпожи без особого разрешения. Ахайя, иногда, сталкивалась с ним в коридорах замка или в своих комнатах, или встречала на конюшне, когда проверяла, хорошо ли следят за Драконом и Жемчужиной. Видела она его и вечерами, когда он приводил лошадей для ежевечерней прогулки и, склонив голову, придерживал стремя, пока госпожа садилась в седло. Гритландец всегда был неизменно почтителен, как и полагалось хорошему рабу, никогда не ленился, всегда выглядел опрятно и аккуратно, несмотря на грязную работу. Они почти не разговаривали. Когда Ахайя отдавала

какой-нибудь приказ, Байдар неизменно отвечал: «Слушаюсь, госпожа». Но в его кратких ответах не было того страха или подобострастия, которые присутствовали у других рабов, и это женщине нравилось. Хотя он стал невольником, без ропота и стенаний принял эту участь, но держался спокойно и с достоинством, не опускаясь до уничижительности и раболепия.

Но не только эти качества привлекали к нему внимание женщины, хотя и сыграли какую-то роль в её к нему симпатиях. Байдар ей нравился, как мужчина. Ни о какой любви или даже влюблённости не могло идти и речи – Альмар преподавал ей хороший урок. И теперь Ахайя смотрела на окружающих мужчин, только как на орудие удовлетворения собственных желаний, и оценивала их исключительно с этой точки зрения.

Одно лишь озадачивало женщину: за всё время пребывания в замке Байдар не завёл ни одной интрижки, не переспал ни с одной рабыней, хотя они наперебой строили ему глазки. По рассказам Катианы, она знала, что дома он был ещё тот ловелас, но в замке вёл себя, как оскоплённый евнух или давший обет целомудрия жрец. Женщина не знала, как к нему подступиться, чтобы не уронить своё достоинство и получить желаемое.

Однажды вечером Ахайя вышла во двор, где её должен был ждать Байдар с осёдланным Драконом. Но во дворе, вместо гритландца, находился старший конюший, держа за по-

вод Жемчужину.

– Что такое? Где Байдар и Дракон? – удивилась она.

– Простите великодушно, госпожа, но Дракон приболел... – залезбил старший конюший.

– Что случилось?

– Этот бездельник Байдар... Он недосмотрел, и конь объелся овса... Коновал сказал, что несколько дней жеребцу лучше побыть в стойле.

– А где сам Байдар? – сердито нахмурилась женщина. Она очень дорожила Драконом, и известие о недомогании её расстроило. – Я хочу его видеть. Немедленно!

– Я его наказал за недосмотр... Боюсь, я немного перестарался... Я знаю, как вам дорог этот жеребец...

– Ступай за мной, – приказала Ахайя и направилась на конюшню. Первым делом, она заглянула в стойло Дракона. Конь стоял, понуро свесив голову, а по его задним ногам стекала вонючая жижа.

– Он поправится?

– Конечно, госпожа! Коновал уже дал ему нужные лекарства.

– Где Байдар?

– В серваре, госпожа...

Ахайя направилась в сервар, и конюший поплёлся следом.

В новом бараке было просторно, чисто и свежо. Полевые рабы уже вернулись и отдыхали на своих нарах. Ахайя прошла через всё помещение в заднюю комнату, где, изолиро-

ванно от остальных, находились больные, за которыми при-
сматривал замковый лекарь.

Байдар лежал у стены. Его спина представляла собой кро-
вавую сеть из пересекающихся вздутых багровых полос –
следов бича, которым наказывали провинившихся рабов.
Лицо тоже было избито – один глаз заплыл, губы вспухли.

В душе Ахайи вскипела глухая ярость. Она повернулась к
старшему конюху и холодно спросила:

– Как ты посмел наказывать его без моего разрешения?

– Но... – растерялся слуга. – Он ведь провинился...

– Байдар – мой личный раб, и наказывать его могу лишь
я! Ты должен был доложить мне, а я сама бы решала, что с
ним делать!

Ахайя размахнулась и вlepила конюшему такую оплеуху,
что тот пошатнулся. Затем применила к нему несколько при-
ёмов из своего арсенала, отчего конюший оказался на по-
лу, скрученный от боли, и скуля, как побитый пёс. Пнув его
напоследок, женщина повернулась к Байдару, следящему за
происходящим целым глазом.

– Ну, а теперь расскажи, как ты допустил, что Дракон за-
болел? – строго спросила она.

– В этом нет моей вины... Кто-то оставил в проходе ме-
шок с зерном... Дракон вырвался, и пока я прибежал... съел
слишком много... Он обожает овёс... Он большой лаком-
ка... И аппетит у него отменный...

Байдар говорил с трудом, ему мешали разбитые и вспух-

шие губы, на которых запеклась тёмная корка крови.

– Тебя уже осмотрел лекарь? – сочувственно спросила женщина.

– Нет...

Ахайя повернулась и вышла. Вернувшись в замок мрачнее грозовой тучи, тут же позвала дворецкого, лекаря и сенешаля, приказала приготовить комнату, принадлежавшую Альмару, и перенести туда Байдара. Пусть лекарь немедленно осмотрит раба и залечит все его раны. Ему будет помогать Катиана, она же будет ухаживать за братом, пока тот не встанет на ноги. На время болезни Байдар освобождался от всех обязанностей, а его работа целиком и полностью возлагалась на старшего конюшего – и пусть он попробует уклониться от неё!

Отдав распоряжения, госпожа села на застоявшуюся Жемчужину и покинула замок.

На следующее утро она провела Байдара. Мужчина выглядел намного лучше, благодаря чудодейственным мазям и примочкам лекаря: опухоль сошла с лица, оставив тёмные синяки и кровоподтёки, а рубцы от плети присохли и побледнели. Катиана ворковала над братом, как над собственной малышкой. Возле изголовья его ложа на табурете стояли свежие фрукты, холодный напиток, кувшин с густым красным вином и вазочка с ореховым печеньем. Когда Ахайя вошла, Катиана, как положено, опустилась на колени и поцеловала ей руку.

– Я так благодарна вам, госпожа, что вы заботитесь о моём брате! – искренне проговорила девушка. – Вы самая чудесная и справедливая госпожа на свете! Ведь мой брат, правда, не виноват!.. Он никогда не врёт.

– Похвальное качество... Как его здоровье?

– Уже лучше, госпожа... Вот только спина...

– Не переживай, заживёт... Оставьте нас, мне нужно поговорить с твоим братом. Ступай, проведи малышку.

Дочь Катианы находилась в детской под присмотром нянек, и воспитывалась совместно с дочерью Ахайи. Женщина решила, что девочкам будет интересней расти вместе, чем порознь. Катиана лишь кормила малышку грудью, да проводывала её, когда скучала. Остальное время она находилась на службе при госпоже.

Катиана послушно покинула комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Ахайя придвинула к ложу стул и села. Окинув больного внимательным взглядом, спросила:

– Тебе нравится эта комната?

– Конечно, госпожа... Это лучше сервара...

– Отныне она твоя.

– Благодарю, госпожа... – Байдар посмотрел на женщину настороженным взглядом. – Но что вы потребуете взамен?

Женщину застал врасплох вопрос раба. Она не ожидала, что Байдар когда-либо осмелится на нечто подобное. Немного помолчав, она решила не скрывать от парня правду, которую, так или иначе, он скоро узнает сам.

– Раньше эта комната принадлежала моему барду... У нас были особые отношения. Думаю, ты понимаешь, о чём речь... Но однажды я уличила его в измене с моей приближённой рабыней и... прогнала его... Хотя с бóльшим удовольствием убила бы... Ну, да ладно, это дело прошлое. Я рассказываю это потому, чтобы ты знал, что моя доброта и щедрость не безграничны. Я не терплю лжи и обмана, интриг и вероломства. Я могу... по-особому относиться к мужчине, который мне нравится, но потребую взамен верности и преданности. Если этот мужчина не желает таких отношений, пусть прямо об этом скажет... Мне не нужна любовь по принуждению или из благодарности.

Байдар осторожно повернулся набок, чтобы лучше видеть лицо женщины, и тихо спросил:

– Ко мне вы тоже относитесь... по-особому?

– Да, ты мне нравишься, – не стала скрывать Ахайя.

– И вы предлагаете мне особые отношения?

– Только, если ты этого хочешь.

Байдар неожиданно улыбнулся широкой светлой улыбкой.

– Я давно хочу этого, госпожа... Но вы казались такой холодной, высокомерной и недоступной, что я боялся об этом даже мечтать...

– А ты казался мне сдержанным, отчуждённым и неприступным, – улыбнулась в ответ женщина.

– Мы лишь играли свои роли, боясь открыться друг дру-

гу...

– И это продолжалось бы до бесконечности...

– Если бы Дракон не объелся овса...

– Да... Правильно говорят: иногда несчастье приносит удачу. – Ахайя наклонилась и легонько погладила Байдара по лицу. – Отдыхай и набирайся сил... Мы продолжим наш разговор, когда ты встанешь на ноги.

Глава 9

Вскоре, как женщина и хотела, Байдар стал её новым любовником. Он полностью отличался от Альмара – как в общении, так и в любовных играх. Альмар был нагловатым, властным, иногда даже грубым, что, впрочем, и нравилось в нём женщине. Байдар же всегда был спокойный, сдержанный, не конфликтный, ласковый, как дитя, чутко прислушивался к желаниям возлюбленной. Ахайя была довольна новым увлечением, осыпала его знаками внимания и подарками. Байдар разбирался в хозяйственных делах не хуже управляющего, особенно знал толк в лошадях. По его совету женщина приобрела несколько коней хороших кровей и занялась племенным разведением.

Со временем Байдар стал её правой рукой, как в своё время Альмар. Вначале женщина строго следила за любовником. Но Байдар, в отличие от предшественника, оказался умнее, или умело сдерживал инстинкты, не давая поводов для ревности, храня госпоже верность и всецело удовлетворяясь её обществом.

В свой очередной приезд, познакомившись с новым фаворитом, Астон лишь снисходительно улыбнулся и спросил: – Надеюсь, ты не собираешься рожать и от этого парня? Я, конечно, не против детей, но не стоит их дарить каждому любовнику...

Как-то раз, на одной из вечерних верховых прогулок, Ахайя заехала в ленное селение, когда там давали представление бродячие актёры. Она понаблюдала за выступлением некоторое время, а затем пригласила труппу в замок, чтобы развлечь своих людей, пообещав за выступление хорошее вознаграждение.

На другой день утром актёры прибыли в замок. Ахайя приказала удобно их разместить, сытно накормить, предоставила баню и возможность отдохнуть, а вечером дать представление перед слугами и солдатами.

Труппа была большой и представляла собой смешанный коллектив жонглёров, циркачей, певцов, танцовщиц и лицедеёв, которые разыгрывали различные поучительные, исторические, сказочные или смешные сценки из жизни.

Руководил актёрами почтенного вида старик, который в представлениях играл роли царей или мудрецов. Ему помогал красивый молодой мужчина, мастер на все руки: он и пел, и танцевал, и подыгрывал на музыкальных инструментах, и выступал, и жонглировал, и даже показывал фокусы.

Ахайе понравился этот молодой актёр, и у неё мелькнула мысль, что неплохо бы завести с ним более тесное знакомство. «Жаль, что он не раб, – подумала она. – Я бы попыталась его выкупить». Послав «на разведку» Катиану, она узнала, что мужчину зовут Дайян и он сын старика-руководителя.

После выступления Ахайя выставила усталым актёрам бо-

гатое угощение, а Дайяна пригласила в свои покои.

Он пришёл скоро, но всё же успел переодеться и смыть грим. Вблизи мужчина показался ещё лучше, чем издали, на грубых дощатых подмостках, освещаемый неровным светом факелов и масляных фонарей.

Вежливо поклонившись, актёр поблагодарил за гостеприимство и щедрость, и скромно присел на указанное место.

Зная, что его друзья веселятся во дворе за щедро накрытым столом, Ахайя велела накрыть небольшой столик на двоих, на выходящем на море балконе, и подать изысканную еду и лучшее вино. Затем она отослала всех слуг и девушек, оставшись с гостем наедине. Тот вначале немного смущался, но, осушив пару кубков крепкого вина, расслабился и поглядывал на хозяйку откровенными взглядами.

Ахайя завела отвлечённый разговор, расспрашивая Дайяна о жизни бродячего актёра, похвалила его мастерство и поинтересовалась, не надоела ли ему скитаться по стране, рискуя жизнью и свободой, терпя голод, холод и неудобства кочевой жизни.

– Я привык, – лаконично ответил мужчина. И, помолчав, добавил: – Но не скажу, что мне это нравится.

– А ты хотел бы служить одному господину, спать под надёжной крышей в мягкой постели, регулярно и сытно есть, хорошо одеваться, и при этом получать деньги?

Дайян помолчал, обдумывая слова госпожи, а затем осторожно ответил:

– Это всё прекрасно... Но кем бы я был при этом господине? Придворным шутком? Я не гожусь на эту роль. Я актёр, а не кривляка.

И тогда Ахайя высказала мысль, пришедшую ей в голову при подсказке Катианы, когда, по окончании представления, девушка вздохнула и сказала:

– Вот бы смотреть представления каждый день! Это так чудесно!

– Дайян, – начала Ахайя, – мне так понравилось ваше представление, что мне захотелось создать собственный актёрский коллектив из способных рабов и рабынь и смотреть представления в своё удовольствие и на зависть соседям. Но это дело мне незнакомо. Как ты смотришь на то, чтобы возглавить эту труппу, подобрать нужных людей и обучить их ремеслу? Я буду хорошо платить за эту работу. Ты будешь жить в замке на полном обеспечении, получать пять золотых в месяц и заниматься любимым делом...

Глаза актёра вспыхнули.

– Вы хотите создать домашний театр, какие есть при королевском дворе и в замках некоторых аристократов?

– Я не знаю, как это называется. Просто, мне пришла в голову такая мысль.

– Мне нравится эта идея, сударыня, но я должен подумать над вашим предложением, – осторожно ответил Дайян.

– Думай, – согласилась женщина.

– А если... если я приму его, вы позволите взять с собой

нескольких товарищей? Они могут быть моими помощниками. Театр – сложная штука, и один я не справлюсь.

– Можешь взять кого хочешь, но получать они будут меньше тебя. Если они согласны на такие условия – милости просим.

Дайян размышлял недолго и утром дал согласие. Предложение прекрасной ландаски казалось слишком заманчивым. От всезнающей прислуги Ахайя узнала, что среди актёров произошёл крупный скандал. Особенно сильно рассорились Дайян с отцом, так как сын, по мнению старика, не только предал своё призвание, но и разорил отца, переманив из труппы трёх лучших актёров: акробата, музыканта, сочинявшего хорошую музыку, и поэта, писавшего тексты забавных песенок и сочинявшего сюжеты постановок.

В тот же день бродячие актёры покинули замок и покатили прочь, поднимая на дороге пыль колёсами повозок, а Дайян со товарищи перебрались в назначенные им комнаты.

Ахайя выделила под помещение будущего театра один из пустующих залов, и плотники начали его переделывать под руководством Дайяна. Попутно актёр и его помощники просматривали и прослушивали рабов и рабынь, подбирая состав будущей труппы. В замке нашлось немало талантов, в число избранных попала и Катяна. Дайяну понравились её голос, темперамент и манера двигаться. Ахайя, хотя и с неохотой, но отпустила любимицу в труппу. Тем более, и сама девушка рвалась туда. Ахайя догадывалась, почему – Ка-

тиана по уши влюбилась в красавчика-актёра. Ахайя и сама положила на мужчину глаз. Но рабыня не ревновала: она понимала, что для госпожи Дайян лишь очередное увлечение, и как только она удовлетворит своё желание, тут же о нём забудет.

Байдар тоже не ревновал возлюбленную (или не показывал вида), хотя и видел, что она увлеклась актёром не на шутку. Только сказал:

– Будьте осторожны, госпожа, чтобы не повторилась история с Альмаром...

Ахайя внимательно посмотрела на любовника и ответила:

– Не беспокойся, этого не будет... Ведь я не люблю его.

Он меня привлекает исключительно своими внешними данными.

– Я вас тоже привлекаю только своими внешними данными? – поинтересовался Байдар.

– Нет, к тебе у меня *особое* отношение... Я ещё не разобралась в своих чувствах. Но пусть тебя не беспокоит моя маленькая интрижка – наши отношения от этого не изменятся.

– Я и не беспокоюсь за себя.

– И не ревнуешь?

– Как я могу ревновать, ведь я всего лишь раб.

Ахайя холодно взглянула на любовника и произнесла:

– Мне не нравится твой ответ. Может, ты и спишь со мной по обязанности, потому что раб?

– Нет, я делю с вами ложе по собственному желанию. Я страстно этого хочу, но понимаю, что, возможно, делаю это не столь искусно, чтобы у вас не возникало желания испытать любовь с другим мужчиной... Вы моя госпожа и независимая женщина, и привыкли удовлетворять свои желания. Поэтому, мне не остаётся ничего иного, как подчиниться вашей воле... Хотя мне, несомненно, неприятно сознавать, что вашего прекрасного тела будут касаться ещё чьи-то руки, кроме моих.

Ахайя улыбнулась.

– Чтобы тебе не было обидно, давай договоримся: за каждую мою измену, я буду выполнять одно твоё желание.

– Согласен, – улыбнулся в ответ Байдар.

Дайян тем временем развернул бурную деятельность. Он собрал уже небольшую труппу, забрав у госпожи почти всех красивых рабынь, певиц и танцовщиц, и, закрывшись в отдельном помещении, проводил репетиции, на которые не пускал никого, даже госпожу. Плотники и столяры тем временем заканчивали переделку зала под театр, портные дошивали занавес и театральные костюмы, а доморощенные художники – роспись декораций.

По вечерам, когда Дайян распускал актёров, Ахайя приглашала его к себе, они вместе ужинали, а затем уединялись в спальне, удаляя всех слуг и прислужниц, и можно было только гадать, чем они там занимались.

Но вот наступил день премьеры. Театр блистал свежей

краской и причудливыми украшениями из ткани, восковой бумаги и гирлянд свежих цветов. Ахайя заранее написала супругу, чтобы он прибыл в замок, и тот явился на вызов, как обычно, без денег, но с очередным мальчиком-любовником. Ахайя объявила, что приготовила ему сюрприз, и тот с интересом стал ждать.

Вечером тишину замка и окрестностей нарушило звонкое пение серебряных труб. Астон всполошился:

– Что это? Пожар? Война? На нас напали?..

– Нет, дорогой, – успокоила супруга Ахайя. – Это мой сюрприз. Оденься в хорошее платье и приходи ко мне. Только поторопись.

Через четверть часа они под руку спустились в театр, где их с нетерпением ждали собравшиеся зрители.

Огромный зал, разделённый на две половины шёлковым занавесом и помостом сцены, был полон. Слуги, воины, даже отличившиеся рабы, заполняли места для зрителей – широкие дубовые лавы, покрытые тёмным сукном. Позади них возвышалась специальная ложа, обитая бархатом и шёлком, с мягкими удобными креслами – для хозяев и гостей. В зале стоял приглушённый гомон, слышались грубые шутки солдат и хихиканье девушек, но когда появились господин и госпожа, шум мгновенно стих, все поспешно встали и почтительно поклонились. Господа заняли свои места, и в зале воцарилась напряжённая тишина. Из-за занавеса выглянул взволнованный Дайян, и Ахайя подала знак, что можно на-

чинать.

Зазвучала нежная приятная музыка, которую играли музыканты, сидящие на специальном балконе, расположенном над сценой. Ими управлял один из товарищей Дайяна, сочинитель музыки и песен. Занавес дрогнул и медленно пополз в стороны, открывая внутренность сцены, представлявшую сельский пейзаж: несколько деревьев на переднем плане, из-за которых выглядывали идиллические сельские хижины. На заднем фоне была нарисована картина, изображавшая зелёные поля и ряды виноградников, которые пересекала голубая лента реки. За деревьями тоже виднелась синь реки, слегка колеблемая лёгкими волнами. Всё выглядело так очаровательно и так реалистично, что по залу пронёсся невольный шёпот изумления. Даже рабы с опахалами, стоявшие по обе стороны от господ и разгонявшие духоту, забыли о своих обязанностях и уставились на сцену, открыв рты от удивления.

Музыка зазвучала по-иному и на сцену выпорхнула милостивая девушка в аккуратном сельском платье и с венком луговых цветов на голове. Распущенные волосы обрамляли умело подкрашенное лицо, и даже Ахайя с трудом узнала в этой очаровашке свою любимицу Катриану.

Девушка медленно прошлась по сцене, двигаясь плавно, грациозно и соблазнительно. Затем присела на берегу, сняла с головы венок и опустила его на «воду». Венок медленно «поплыл» по течению, а девушка запела нежным и пе-

чальным голосом о неверном любимом, который бросил её и ушёл в чужие края. Поэтому она посылала на его поиски венок, умоляя отыскать и вернуть возлюбленного.

Песня была такой печальной, мелодия грустной, а голос певицы звучал так проникновенно, что некоторые девушки-служанки даже пустили слезу.

Но вот песня кончилась, певица умолкла, склонившись к «воде», всей позой выражая скорбь и страдание. Музыка зазвучала по-другому: весело, быстро, зажигательно. На сцену выбежали несколько девушек и парней в ярких нарядах и закружились в весёлом танце.

Представление длилось около часа. Картины сменяли друг друга, складываясь в незатейливый сюжет, перемежаясь песнями и танцами. Актёры играли весьма неплохо, а некоторые даже отлично, и, когда представление закончилось, благодарные зрители наградили их искренними и щедрыми аплодисментами. Астон радовался, как ребёнок, даже, в порыве чувств, обнял и поцеловал жену.

– Ты у меня просто прелесть! – восторженно воскликнул он, когда они возвращались в свои покои. – Каждый раз, приезжая домой, я застаю что-то новенькое. Я так рад, что боги послали мне в супруги тебя, а не какую-то клушу!

Ахайя тоже осталась довольна новой игрушкой, и распорядилась щедро вознаградить режиссёра и постановщика, а также угостить всех актёров и музыкантов сладостями и вином.

Глава 10

Новое увлечение продержалось недолго. Вскоре Ахайя пресытилась красавчиком-актёром, а его возвышенно-нарочитая любовь приелась ей. Не прошло и полгода, как Дайян был отлучён от постели, хотя увлечение театром у госпожи осталось. Она с удовольствием смотрела все новые постановки и приглашала на представления соседей. Слава о домашнем театре госпожи ди Вермис распространилась на всю округу, и многие знатные землевладельцы сами напрашивались в гости, чтобы побывать на знаменитом представлении. Дайяна даже пытались перекупить, но актёр не пожелал покинуть «Гнездо Чайки» из-за своего привилегированного положения в замке. Ведь, даже после того, как госпожа охладела к нему, он оставался одним из её приближённых, любимчиков, фаворитов. Дайян был умным малым и понимал, что нигде больше не сможет так удобно устроиться: занимать довольно высокое положение, получать хорошие деньги и заниматься любимым делом в своё удовольствие и без строгого надзора. Ведь госпожа Ахайя никогда не вмешивалась в его творческий процесс и не заказывала представления, довольствуясь тем, что ей преподносили.

Расставшись с Дайяном, Ахайя вновь вернулась к своему верному Байдару, терпеливо ждавшему, пока минует увлечение госпожи. Даже наслаждаясь любовью Дайяна, Ахайя

не забывала о любимце, постоянно посещала его и строго следила за поведением. Однако, уличить Байдара в измене не смогла. То ли он, в самом деле, был ей верен, то ли предельно осторожен.

Байдар вновь занял пустующее место в постели и в сердце женщины, и, несмотря на измену, его отношение к ней не изменилось. Он был всё так же чуток и нежен, терпелив и послушен. Ахайю это, иногда, даже раздражало, и она нарочито старалась вывести парня из себя. Но, когда он начинал сердиться, она тут же менялась и старалась загладить свою вину.

Как-то раз, проходя через хозяйственный двор, Ахайя услышала голос Дайяна, доносившийся со стороны площадки для наказаний. Место, где наказывали провинившихся рабов и нерадивых слуг, находилось между двумя амбарами, поэтому приблизившуюся хозяйку никто не заметил. Женщину заинтересовало, на кого это так громко и гневно кричит фаворит, поэтому спряталась в тени одного из строений и осторожно выглянула из-за угла. На площадке находилось несколько сооружений для наказаний: большая скамья для порки, два столба с перекладиной, так называемые «ворота», в которых жертву распинали за руки и за ноги, и колодки, в которых провинившиеся сидели на солнцепёке, иногда по несколько дней, в унижительной и неудобной позе.

Сейчас заняты были только «ворота». В них висел распятый человек, позади которого стоял палач – здоровенный де-

тина с каплей ума в голове и камнем вместо сердца в груди. Он держал в руке длинный бич из воловьей кожи, а на почти полностью обнажённом теле истязуемого уже багровели несколько змеящихся полос.

– Последний раз спрашиваю, мерзавец, ты будешь играть эту роль? Или я прикажу палачу спустить твою белую нежную кожу! – голос Дайяна, обычно мягкий и негромкий, сейчас просто звенел от злобы и жестокой холодности, сквозившей в нём, и это весьма удивило и неприятно поразило женщину. Но ни его угрозы, ни злоба, казалось, не произвели на распятого в «воротах» человека никакого впечатления, потому что он отрицательно качнул головой и твёрдо ответил:

– Нет.

– Ты пожалеешь об этом, скотина! – воскликнул Дайян и приказал палачу отпустить несчастному пять ударов. Тот с готовностью взмахнул бичом, и длинное жало умело обвилось вокруг неподвижного тела. Раб вздрогнул от жгучей боли, и застонал сквозь стиснутые зубы.

Ахайя покинула укрытия и ступила на площадку.

– Прекратить! – приказала она, и палач тут же опустил занесённый для второго удара бич и отступил с низким поклоном. Дайян резко обернулся и с удивлением посмотрел на госпожу.

– Приветствую вас, моя прекрасная госпожа, – склонил он голову в вежливом поклоне. – Что вас сюда привело?

– Да так, проходила мимо... Кто это? Чем он провинился?

– Это строптивый раб из театра. Я наказываю его за непослушание.

– Что-то я не видела его раньше... – протянула женщина, с любопытством рассматривая прекрасную мускулистую фигуру, покрытую нежной белой кожей, которую несколько портил некрасивый розовый рубец, наискосок пересекавший грудь. Изумительную фигуру венчала голова с красивыми утончёнными чертами лица и роскошными вьющимися светлыми волосами, спускавшимися ниже талии мужчины. Если бы не мужественная фигура и не явные мужские признаки, бугрившие узкую набедренную повязку, раб мог бы сойти за женщину.

– Откуда такой красавчик? – удивилась Ахайя, теребя густой тяжёлый локон мужчины. – Почему ты его от меня скрывал?

– Его купили несколько дней назад. Я взял его к себе, так как у него, как видите, весьма специфическая внешность...

– И что он успел натворить?

– Я бы не хотел говорить... Это должно стать сюрпризом.

– Сюрприз не удался. Говори.

– Ну... Это для моей новой постановки... Вы видите, как он хорош? Совсем как женщина... И лицо, и волосы... Я хотел вырядить его женщиной. Он бы ходил и танцевал, как женщина, а в конце представления скинул платье, и все бы увидели, что это мужчина, и посмеялись над розыгрышем.

– Да, было бы забавно... Но он не хочет играть женщину?

– Не хочет. Он, видите ли, принц по рождению, и его высочородная гордость не позволяет ему унижаться и лицедействовать.

– Принц? Настоящий принц? – удивилась Ахайя.

– Да, сын короля с острова Звезда Юга. Во всяком случае, он так утверждает.

– Принц... – задумчиво протянула Ахайя. – Очень интересно... Наверное, эту роль придётся играть тебе, Дайян.

– Я уже думал над этим. Но моё лицо слишком известно, и меня сразу узнают.

– Найди ещё кого-нибудь.

– Можно было бы... Но ни у кого нет таких роскошных волос.

– Да, это проблема... А если его остричь и сделать парик? – Ахайя вновь взвесила в ладони тяжёлый локон.

– Нет! – мотнул головой до сих пор не проронивший ни звука раб. – Я не позволю срезать мои волосы!

– Не позволишь? – улыбнулась женщина. – А кто тебя будет спрашивать?

Мужчина посмотрел на Ахайю таким красноречивым взглядом, что стало понятно и без слов: он убьёт любого, кто подойдёт к нему с ножницами. И этот гордый воинственный взгляд, и решительность, и красота мужчины, покорили сердце женщины, и она, подав палачу знак, приказала:

– Развяжи.

Нисколько не удивившись, слуга начал послушно расстё-

гивать ремни на руках и ногах раба.

– Я забираю его, – сказала Ахайя, хмуро наблюдавшему за этим процессом Дайяну. – Найди для роли кого-нибудь другого, поговорчивей. Или купи на рынке другого подобного. Из тех, кого и мужчиной-то не назовёшь...

– Слушаюсь, – согласно склонил голову фаворит. – Но вы напрасно возлагаете на этого красавчика какие-либо надежды... Он не станет вашей игрушкой – он для этого слишком горд.

– А может, мне надоели послушные игрушки, – без тени улыбки ответила женщина. – Может, мне захотелось увидеть рядом с собой настоящего мужчину? – Она отвернулась от слегка смутившегося актёра и повернулась к рабу. – Ступай за мной!

Не оглядываясь, Ахайя слышала позади лёгкие шаги босых ног. Прислушиваясь к этим шагам, женщина размышляла над своим неожиданным поступком. Зачем она взяла красавца на попечение? Дайян прав: вряд ли этот гордец станет покорной игрушкой в её руках. Пусть он сын тридцать второй или сорок четвёртой жены короля Звезды Юга – всё равно он принц крови, и гордости у него хватит на всех отпрысков плодовитого папаши-короля. Можно, конечно, попытаться его покорить или сломить, но ей не нужен ещё один покорный раб – в замке таких достаточно.

Поднимаясь по лестнице, Ахайя, неожиданно, столкнулась с Байдаром, спускавшимся из детской, где он часто про-

ведывал маленькую племянницу. При виде госпожи, он отступил в сторону и вежливо склонил голову. Затем искоса взглянул на шедшего позади женщины обнажённого раба и не удержался от замечания:

– Новая игрушка, госпожа?

– Ревнуешь? – улыбнулась Ахайя.

– Немного...

– Неужели? – удивилась женщина.

– Он красивей Дайяна... И благородных кровей... Вы опять забудете меня.

Ахайя обернулась и посмотрела на молчаливо стоявшего раба. Его лицо было непроницаемым и отчуждённым, глаза смотрели в пол, и он стоял с таким видом, словно речь шла не о нём.

Женщина потрогала один из локонов принца.

– Посмотри, какие роскошные волосы... Они приводят меня в трепет... Жаль, что у тебя таких нет.

– Думаю, они мешали бы мне работать, – сдержанно ответил Байдар.

– А ему не помешают...

– Ну да... Не думаю, что вы поставите его чистить конюшни или выгребать золу из каминов.

– Конечно, нет. Это работа не для сына короля.

– Так он принц? Наверное, со Звезды Юга? Я сразу об этом подумал, когда увидел его... Поздравляю, госпожа, на этот раз вам действительно попалась ценная игрушка.

– Почему ты всё время называешь его игрушкой?

– Разве мы не ваши игрушки?

– Кто «мы»?

– Я, Дайян, Альмар...

Ахайя сгребла Байдара за грудки и притянула к себе.

– Послушай, милый, ты хочешь со мной поссориться? Так скажи об этом прямо, и мы разойдёмся без лишних слов...

Байдар взял женщину за руки и мягко оторвал их от своей груди.

– Успокойтесь, госпожа, вы напугали вашего нового раба... Прошу прощения, если обидел вас.

Ахайя отпустила Байдара и оглянулась через плечо. Взгляд встретился со взглядом тёмных, почти чёрных глаз принца. И хотя в них невозможно было что-либо прочесть, но Ахайя скорее догадалась, чем увидела, что новичок удивлён. Ведь он пребывал в замке всего несколько дней, впервые увидел свою хозяйку и ничего о ней не знал. Он ещё не освоился и не ведал, кто есть кто, не понимал странных отношений между госпожой и роскошно одетым человеком с золотым ошейником, который смело говорил госпоже дерзкие вещи и не боялся её праведного гнева.

– Ступай, куда шёл, – буркнула женщина и зашагала дальше, даже не оглянувшись на почтительно склонившегося Байдара.

Придя к себе, она вручила новичка прислужницам и сказала:

– Это ваш новый товарищ. Он будет мне служить. Вымойте его, залечите раны, приведите в порядок волосы и переоденьте. Когда всё сделаете, приведите ко мне на осмотр.

Девушки, бросая друг на друга лукавые взгляды, прятали насмешливые улыбки. Старшая прислужница шутливо ответила:

– Он такой большой, госпожа, что для него трудно подобрать платье по размеру...

– Пошути мне, – не оценила юмор Ахайя. – Пусть кастелян подберёт ему красивую и добротную одежду, подобающую его положению. Передайте ему, что это не простой раб, а человек благородных кровей... Всё, пошевеливайтесь! Или вы думаете, я буду ждать вечно?

Глава 11

Новичка привели, когда Ахайя отдыхала после обеда. Она полулежала на кушетке, облокотившись на высокие подушки, а Катиана, сидя рядом на скамеечке для ног, рассказывала свежие замковые сплетни. Дежурная рабыня доложила, что новый слуга готов предстать пред её очи.

– Пусть войдёт, – разрешила Ахайя.

Катиана, уже наслышанная о новом приобретении хозяйки, с любопытством повернулась к двери. Когда тот вошёл – красиво одетый, с вымытыми, расчёсанными, влажно поблёскивающими, сияющими мягким золотистым отсветом волосами, у девушки даже рот приоткрылся от изумления.

– Ах, какой красавчик! – невольно вырвалось у неё.

– Да, недурен, – кивнула Ахайя, окинув раба придирчивым взглядом. – Но чего-то не хватает...

Она встала и обошла вокруг неподвижно стоявшего принца, сопровождавшего её передвижения нарочито-безразличным взглядом.

– Поддай мне гребень, – приказала она Катиане. – А ты опустишь на колени, я слегка подберу твои локоны.

Принц слегка поколебался, но послушно опустился на одно колено. Катиана затаила дыхание, ожидая реакции госпожи, но та не обратила на дерзость раба ровно никакого внимания. Она начала тщательно и осторожно расчёсывать мяг-

кие длинные пряди, собирая их в хвост на затылке, затем вынула из своих волос шёлковую золотистую ленту и умело перевязала ею волосы мужчины. Отступив на шаг, полюбовалась делом рук своих, поправила несколько прядей и хлопала раба по крепкому плечу.

– Теперь ты выглядишь, как мужчина... – удовлетворённо произнесла.

Сняв с его шеи старый бронзовый ошейник, надела серебряный, какие носили её личные служанки. К слову, у Байдара был золотой, как знак наивысшего расположения. Его ошейник говорил всем, что он принадлежит к касте «домашних любимцев».

Она вернулась на кушетку, а мужчина поднялся на ноги, снова приняв расслабленно-непринуждённую позу. Ахайя окинула его холодным взглядом и спросила:

– Ты полностью осознаёшь своё положение, раб?

Мужчина перевёл на неё тёмные непроницаемые глаза и ничего не ответил.

– Тебе объясняли правила поведения в замке?

Мужчина кивнул.

– Но ты не желаешь им подчиняться?

Тот не шевельнулся.

– Да, ты упрям... – усмехнулась Ахайя. – Есть много способов привести раба к покорности, но ни один из них не сулит тебе ничего хорошего. Желаешь пройти через это?

– Даже если вы меня убьёте, я умру свободным, а не ра-

бом, – наконец открыл рот принц.

– Ты уже раб, и умрёшь, как раб.

– Вы пленили моё тело, но не подчинили душу. А значит, я свободен.

– Понимаю... – после минутного молчания заговорила Ахайя. – Не так давно ты сам был господином, и твои собственные рабы становились перед тобой на колени. Но внезапно богиня удачи повернулась к тебе спиной, корабль жизни пошёл на дно, и теперь ты сам раб и должен становиться перед кем-то на колени... Понимаю, это трудно принять и пережить. Всегда больно падать, и чем выше ты стоял, тем больнее падение. Особенно, когда оказываешься на самом дне жизни... Но кто знает – может, в будущем, всё изменится, и ты вернёшься назад на вершину и будешь вспоминать это время, как дурной сон? Но сможешь ли ты дожить до этого времени? Или предпочитаешь умереть мучительно и бессмысленно, но с гордо поднятой головой?

– Пусть будет, как будет...

Ахайя снова покинула кушетку, и Катиана опять затаила дыхание. Она знала это выражение на лице госпожи – и, обычно, оно не предвещало ничего хорошего провинившемуся. Приблизившись к рабу, женщина неожиданно и сильно ударила мужчину в живот. Принц резко выдохнул и согнулся от боли. Удар под колени заставил его упасть на пол почти ниц.

– Это называется поза покорности... – холодно произнес-

ла женщина. – Как видишь, не так и трудно. Если не будешь делать этого сам, мне придётся применять к тебе силу, а это несколько обременительно...

Мужчина выровнял дыхание и, взглянув на Ахайю снизу вверх полным гнева взглядом, процедил:

– Можете убить меня хоть сейчас, но я не буду ползать у ваших ног, как ничтожество... Я принц крови, а не жалкий смерд, к которым вы привыкли...

– А я королева этого замка! – вспыхнула Ахайя. – Я здесь царица и богиня, и мне покоряются все – от вассалов до последнего жалкого раба! Если я захочу, ты будешь стоять передо мной на коленях, а пожелаю – будешь висеть на стене вниз головой!.. – Ахайя вспыхивала, как сухое сено, но научилась брать себя в руки, и сейчас тоже сдержала гнев. – Но я не хочу ломать тебя... Ты мне нравишься таким, какой есть. Я не буду требовать от тебя выражения покорности и подчинения, достаточно элементарных знаков уважения... Или принцу крови и это претит?

Мужчина с трудом поднялся, посмотрел на хозяйку долгим задумчивым взглядом и медленно склонил голову.

– Я согласен, сударыня...

– Госпожа, – поправила его Ахайя.

– Простите мою дерзость... госпожа...

– Катиана, позови брата, – приказала Ахайя и вернулась на кушетку.

Когда девушка вышла, она произнесла:

– Даже не знаю, зачем я морочу с тобой голову? Может, отправить тебя обратно к Дайяну, и пусть делает с тобой, что хочет?.. – она немного помолчала. – Как тебя хоть зовут?

– Ламис... госпожа.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– Женат?

– Нет.

– А невеста есть? У тебя дома осталась девушка?

Принц посмотрел в окно, на теряющееся за горизонтом море, и лицо его стало печальным.

– Забудь... Думаю, сейчас не место и не время, вспоминать о доме.

– Да, воспоминания болезненны... Но я думал не о девушках, которые остались в королевстве... Я вспомнил дом и мать, которая, единственная, будет искренне оплакивать мою гибель... Да, у меня была невеста, но не думаю, что известие о моей смерти сильно её огорчит. Нас обручили ещё в детстве, но мы не любили друг друга.

– Почему ты говоришь так, словно уже умер? Разве твои родные не знают, что ты жив и здоров?

– Не знают... – эхом отозвался принц.

– Ты можешь сообщить им эту радостную весть.

Ламис поднял на Ахайю полные тоски и печали глаза.

– Благодарю, сударыня... Простите, госпожа... Но что я напишу родным? Что стал рабом? Пусть лучше думают, что

я умер!

– Ты неправ! Для матери, которая любит своё дитя, лучше знать, что он жив и здоров, чем оплакивать его преждевременную смерть.

– Может и так...

В дверь постучали и, получив разрешение, вошёл Байдар. Покорно склонив голову, произнёс:

– Жду приказаний, госпожа.

– Знакомься – Ламис. Он будет жить с тобой. Возьми его под опеку. Расскажи о наших порядках и законах, познакомь с людьми и замком. Возможно, вы даже станете друзьями...

– Слушаюсь, госпожа.

– А теперь ступайте... Оба.

Когда рабы вышли, вернулась Катиана. Она вновь уселась на скамеечку и с любопытством спросила:

– Куда это Байдар повёл новенького?

– К себе. Он будет жить в его комнате.

– А на какую должность вы его назначили?

– Пока ещё не придумала.

– Он принц крови и, наверное, ничего не умеет делать...

– Должен уметь. Я слышала, Звёздных принцев очень хорошо обучают различным наукам.

– Каким?

– Например, воинской, торговле, математике, мореплаваннию, игре на музыкальных инструментах, управлению хозяйством, политике и дипломатии. Из него мог бы получить-

ся хороший управляющий или владелец поместья...

Катиана захихикала, и, понизив голос, произнесла:

– Если бы вы были вдовой, то могли бы выйти за него замуж...

– Что за глупости?!

– Но он божественно красив и благороден... Тогда бы вы стали принцессой, а не просто ландаской.

– Всё это глупые мечты... У меня есть супруг и есть любовник – твой брат. Или, может быть, мне заменить его Ламисом?

– Кем?

– Новеньким.

– Какое очаровательное имя!

– Не увиливай от ответа. Ты хочешь, чтобы я рассталась с Байдаром?

– Нет, конечно! Если вы снова его бросите, он будет страдать. Байдар любит вас!

– Любит ли? Он никак не проявляет своих чувств. Никогда не ревнует. Разве можно любить без ревности?

– Не ревнует, госпожа? – грустно усмехнулась Катиана. – Вы просто не видели, в каком он был бешенстве, когда вы впервые уединились с Дайяном. Он... Он даже плакал!.. Ой, госпожа, не говорите ему, что я проговорилась, он убьёт меня! – испуганно воскликнула девушка.

– Это правда? – довольно заулыбалась Ахайя. – Ты не выдумываешь?

– Клянусь сердцем матери!

– Но почему он скрывает свои чувства? Почему не выкажет недовольство?

– Он боится вас потерять... И не хочет огорчать.

– Почему он никогда не говорит мне о своей любви?

– Зачем? Он уверен, что вы... простите за дерзость... не любите его. Вы... прошу прощения... как бы играете с ним, развлекаетесь от скуки... И он старается поддерживать эту игру, хотя она и причиняет ему боль... Я вижу его страдания и знаю, что творится в его душе... Простите, госпожа, если огорчила вас этим разговором...

Ахайя положила ладонь на плечо рабыни и тихо сказала:

– Спасибо, что рассказала.

– Вы не скажете ему, что это я...

– Нет, не скажу.

– И вы не прогоните Байдара?

– Нет, конечно... Почему ты так подумала?

– Но... У вас теперь есть принц...

Ахайя засмеялась.

– Ты думаешь, я настолько ветрена?

– Нет... Но... Простите, госпожа...

– Успокойся... Даже если я когда-то и расстанусь с твоим братом, он всё равно останется моим любимым слугой. Он будет занимать своё привилегированное положение, даже если не будет моим любовником.

– Вы так добры, госпожа...

– Не в доброту дело, девочка моя... Просто, я ценю твоего брата не только за его мужские качества.

Глава 12

Прошло семь дней. Ахайя гуляла с маленьким сыном в саду, играя на берегу крошечного пруда с разноцветными яркими рыбками, когда, от старательного строительства замка из песка, её отвлѣк приход Байдара. Следом за любимцем плѣлся новичок, с любопытством осматриваясь вокруг. Приблизившись, Байдар вежливо поклонился и произнёс:

– Приветствую вас, госпожа... И вас, юный господин.

Ларос поднял на раба глаза и, приветливо улыбнувшись, ответил:

– Пливет, Байдал!

Малыш хорошо знал мужчину, часто бывавшего в детской.

– Простите, госпожа, что прерываю столь важное занятие, но не могли бы вы уделить мне немного времени?

Ахайя осторожно поправила крепостную стену из влажного песка и недовольно взглянула на слугу.

– Это так важно? Ты не мог бы найти другое время для разговора?

– Последнее время вы постоянно чем-то заняты... Мы не встречались уже семь дней.

– Неужели? А мне казалось, что мы виделись недавно.

– Разве только издали.

– Соскучился?

– А вы сердитесь на меня? Если я провинился, то хотя бы скажите, в чём...

– С чего ты взял?

– Вы избегаете встреч со мной, на прогулки ездите одна, днём играете с детьми, вечера проводите со служанками... Что я должен думать?

– Что мне хочется побыть одной. Разве я не имею на это права?

– Вы можете делать и поступать, как вам угодно – и это ваше прямое и бесспорное право... Но если ваши чувства ко мне изменились, прошу сказать об этом прямо, а не заставлять страдать в неведении.

Женщина подняла глаза и заглянула в глаза мужчины. И хотя внешне Байдар казался, как всегда, спокойным и невозмутимым, но в глазах его застыли тревога и скрытое напряжение. Ахайя протянула руку и попросила:

– Помоги...

Байдар взял её за руку и помог подняться. Ему было приятно прикоснуться к сильной и одновременно нежной руке женщины. Он прекрасно знал, что госпожа могла без труда встать и сама, но её жест говорил, что она не сердится на него. Помогая ей подняться, он слишком резко потянул, и женщина почти упала ему на грудь. Но она не рассердилась и не отстранилась, а лишь тихонько засмеялась.

– Скучал? – шепнула.

– Да... – выдохнул Байдар.

– Тем приятнее будет свидание... – пообещала Ахайя и отстранилась. – Так что ты хотел?

– Я привёл Ламиса. Он уже знает всё, что обязан знать.

– Хорошо... Пусть подойдёт.

Байдар подал знак стоявшему в отдалении принцу и тот приблизился. Вежливо поклонившись, выжидательно посмотрел на госпожу.

Маленький Ларос оторвался от игры и с любопытством уставился на Ламиса.

– Мама, это твоя новая иглузка? – неожиданно произнёс малыш. Ахайя с удивлением оглянулась.

– Почему ты так сказал, сынок?

– Няни говорили, что ты купила себе новую иглузку – Звёздного плинца... Это Звёздный плинц? – с детской непосредственностью ответил малыш.

– Да, это Звёздный принц... Но он не игрушка. Мама уже большая, чтобы играть в игрушки.

– А няни говорили, что ты, как девочка, иглаес больсыми куклами... – засмеялся ребёнок. – И есё они говорили...

– Твоим няням пора укоротить языки! – рассердилась женщина. – Они слишком много болтают при детях!

– Они болтают глупости? – спросил мальчик.

– Да.

– Ты их наказес?

– Обязательно.

– Особенно няню Лалису, она вчела дёлнула меня за ухо...

– Да я ей руки поотрываю, мерзавке!

Малыш довольно захихикал и приблизился к принцу. С любопытством посмотрев на него снизу вверх, он неожиданно сильно потянул его за длинный локон. Принц твёрдо, но осторожно, сжал руку мальчишки и отвёл в сторону.

– Разве тебе не говорили, что нельзя дёргать людей за волосы? – строго спросил он.

– Говолили...

– Почему же ты это делаешь?

– Нельзя дёлгать девочек, а ты не девочка! – засмеялся малыш.

– Логично... А знаешь, почему нельзя дёргать девочек за волосы?

– Потому что они будут леветь и побегут ябедничать!

– Это тоже веская причина... Но советую и мои волосы оставить в покое.

– Ты тозе побезис ябедничать? – удивился малыш.

– Нет, но я могу запросто тебя отшлёпать.

– А я ласказу маме и она тебя накажет!

– Ну, тогда ты станешь ябедой...

Малыш насупился и спрятал руки за спину. Задумчиво посопев, он сказал:

– Лучше я не буду тебя дёлгать...

– Разумное решение... – согласился принц.

– А ты, плавада, плинц? – недоверчиво спросил малыш.

– Правда.

– И твой папа кололь?

– Да, мой папа король.

– А почему ты тогда слузыс моей маме? Лазве моя мама главнее твоего папы?

– На данный момент – да...

– Моя мама самая лучшая! – с гордой улыбкой провозгласил малыш.

– Не спорю...

– А почему у тебя такие длинные волосы? Тебя никогда не стлигли?

– Никогда.

– Мама, я тозе хочу такие длинные волосы! – повернулся Ларос к матери. – Пусть меня тозе не стлигут!

– Как пожелаешь, мой маленький, – с улыбкой ответила женщина.

– А ты умеес иглать в подкидалки? – продолжил разговор с принцем Ларос.

– Ну... Наверное, нет...

– Мама, показы ему! – подбежал малыш к матери. Она с улыбкой подхватила его на руки и подбросила высоко вверх, ловко поймав. Малыш завизжал от восторга. Она подбросила его несколько раз и опустила на землю. Малыш был плотненький и довольно тяжёлый, но для сильных рук женщины не казалось непосильной тяжестью.

– Ступай, поиграй, – приказала она, – маме нужно поговорить.

Но Ларос подбежал к принцу и закричал:

– А тепел ты!

Ламис подхватил малыша и начал высоко подбрасывать.

Следя за визжащим сыном тревожным и слегка ревнивым взглядом, Ахайя произнесла:

– По-моему, я нашла нашему принцу подходящую его статусу и способностям работу.

– Какую?

– Он станет наставником Лароса. Мальчику не хватает твёрдой мужской руки и строгого воспитания... Я его слишком балую, а он, всё-таки, мужчина, пусть ещё совсем маленький...

– Думаю, вы, когда захотите, можете стать твёрже камня... – улыбнулся Байдар.

Словно в подтверждение его слов, Ахайя приказала:

– Хватит, Ламис. Опусти его!

Раб послушно поставил малыша на землю. Но тот захныкал и капризно затопал ногами.

– Есё! Хочу есё!

– Достаточно! Иди, поиграй, маме нужно поговорить.

– Хочу! Хочу! Хочу!

– Ларос! – в голосе Ахайи, до того ласковом и нежном, зазвучал металл.

– Ма-ама!..

– Ларос!..

Малыш опустил голову и поплёлся к пруду. Со злости

пнув недостроенный замок, он подобрал несколько камешков и начал бросать их в воду, целясь в беспечных рыбок.

– Ламис, хочу тебе предложить стать наставником Лароса. Согласен?

– А я могу выбирать? – удивился принц.

– Если не хочешь, можешь отказаться. Я не желаю, чтобы моего сына воспитывал ненавидящий его человек...

– Он очень милый... Но что будет входить в мои обязанности? Я должен стать его нянькой?

– И нянькой тоже... Мальчик довольно большой, а его окружают одни женщины. Я хочу, чтобы ты воспитал из него настоящего мужчину... Научи его всему, чему обучили тебя.

Ламис согласно наклонил голову.

– Слушаюсь, госпожа.

– Оставайся с малышом, а мне нужно... обсудить с Байдаром один важный вопрос... – Она повернулась к сыну. – Лари, с этого дня Звёздный принц будет твоим наставником. Ты обязан его слушаться так же, как и меня... Если он пожалуется мне на твоё плохое поведение или непослушание – я накажу тебя, а не его. Понял, сынок?

Малыш удивлённо взглянул на мать.

– Ты меня болсе не любис, мама?

– Люблю, глупенький. Но ты уже большой и тебе пора учиться. Ты ведь мужчина! Кто будет защищать маму, когда она станет старенькой и слабенькой?

– Я!

– Вот поэтому я и отдаю тебя Ламису. Кто, как не настоящий Звёздный принц сможет сделать из тебя сильного, смелого и благородного рыцаря? Поэтому слушайся его и выполняй всё, что он скажет. Понятно, мой маленький?

– Да, мама!

– Оставайся с Ламисом и покажи ему наш сад, а маме нужно заняться делами.

В сопровождении Байдара Ахайя вернулась в замок и прошла напрямик в спальню. Прогнав прочь всех служанок, она прижалась к любовнику, обвила его шею руками и прошептала:

– А теперь покажи, как ты по мне соскучился...

Мужчина заключил женщину в сильных объятиях и его жадные губы припали к полуоткрытым в ожидании губам госпожи... Они слились в долгом и страстном поцелуе, сжимая друг друга в объятиях, словно хотели задушить. Наконец, прервав затянувшийся поцелуй, Байдар подхватил женщину на руки и шагнул к постели. После нескольких мгновений задержки, ушедших на лихорадочное и беспорядочное сбрасывание одежды, они отдались друг другу с неистовством и страстью двух изголодавшихся по любви людей. Долгое время в спальне слышались только страстные стоны, сладостные вскрики и учащённое дыхание. За полуопущенным пологом два обнажённых потных тела то сплетались в изощрённой любовной игре, двигаясь ритмично и в унисон, то двигались в бешеном темпе, то замирали в любовном экс-

тазе. Губы то нежно, то страстно, то жадно и нетерпеливо касались губ, руки бесстыдно ласкали самые интимные места, ноги переплетались, как лесные лианы, дыхания двух смешивалось в одно...

Наконец, уставшие и удовлетворённые, они обессилено затихли, не размыкая объятий. Голова женщины покоилась на груди мужчины, рука нежно обвивала талию, нога лежала на бедре. Байдар устало расслабился. На этот раз он отдал возлюбленной весь пыл души и все силы тела, и теперь отдышал, блаженно закрыв глаза.

Ахайя нежно погладила грудь любовника и запечатлела на ней лёгкий поцелуй.

– Сегодня ты был неподражаем... Страстен, словно извержение вулкана...

– Боюсь, я не смогу больше это повторить...

– Почему?

– Ну... Сегодня у меня было особенное настроение.

– Какое?

– Злость... Ревность... Я хотел доказать, что лучше этого принца... Что лучше всех мужчин в замке.

– Я это знаю... И мне не надо этого доказывать. Ты и так самый лучший.

– Тогда, почему вы уходите к другим?

– Не знаю... Меня воспитывали, что мужчины должны служить женщинам для удовлетворения их потребностей. Если мужчина тебе нравится – возьми его. Любовь – удел

слабых духом, потому что она делает воина слабым и уязвимым.

– Кто вложил в вашу прекрасную головку эти ужасные глупости?

– Мои наставницы-виолки.

– Наверное, это женщины без души и сердца.

– Вполне возможно... Но я тоже считаю, что от жизни нужно брать все удовольствия, которые она тебе даёт, и только глупец не воспользуется её дарами. И что такого, если я немного развлекусь с тем, кто мне нравится? Ты всё равно останешься моим самым любимым мужчиной.

– Останусь ли? Ламис с его благородными манерами, нежным ухоженным телом и ангельской красотой легко может вскружить вам голову.

– Дайян тоже недурён, но ты не возражал против нашей связи.

– Не возражал... Но... Тогда я ещё не чувствовал к вам того, что чувствую сейчас... Тогда вы были лишь красивой и сильной женщиной, которой хотелось обладать... Мне было хорошо с вами, не более...

– И что же изменилось?

– Когда вы начали... с Дайяном, я впервые испытал такой приступ боли и ревности, который не испытывал ни к одной женщине... И я понял, что мои чувства к вам нечто большее, чем просто влюблённость... Я понял, что...

Байдар замолчал и отвернулся.

– Говори...

– Зачем говорить об этом, если я для вас, лишь игрушка, лишь орудие для утоления страсти?

– Ошибаешься, милый. Если бы ты был игрушкой, то сейчас на твоём месте была бы другая игрушка... Да, я изменила тебе с Дайяном, но я вернулась к тебе, когда поняла, что его любовь для меня ничто. Только тебя я хочу любить и только тебе отдавать своё тело... И никто мне не нужен: ни принц, ни супруг, ни сам король илларийский. Пока, во всяком случае...

– Пока?

– Я не знаю, что будет завтра. Но сейчас я с тобой и хочу быть с тобой столько, сколько времени отпустили нам боги. Я ещё не готова сказать: я люблю тебя, Байдар! Но ты мне очень, очень, очень нравишься. Ты мне дорог. И я не хочу тебя потерять...

Байдар обнял возлюбленную и прошептал на ухо:

– Пообещайте мне госпожа... Пообещайте больше не мучить меня... Я не могу смотреть, как вы принадлежите другому... Пообещайте, что как только полюбите другого, вы отпустите меня. Дадите мне вольную и я уеду... Уеду домой, подальше от вас, чтобы не видеть и не страдать...

– Хорошо, обещаю...

Глава 13

Следующие полгода прошли безоблачно и счастливо. Ахайя наслаждалась обществом двух близких мужчин: Байдара и Ламиса. На постановках Дайяна они всегда присутствовали втроем: Ахайя, Байдар справа и Ламис слева от госпожи. В замке ходили слухи, что госпожа дошла до верха бесстыдства, и спит сразу с двумя любовниками. С Байдаром у неё сложились более чем тёплые отношения, а с Ламисом – умным, интересным собеседником – просто дружеские. Хотя женщина не раз ловила себя на желании зарыться лицом в его роскошные волосы и испытать силу объятий. Но данное Байдару обещание сдерживало женщину от опрометчивых поступков, ведь она не хотела потерять любимого мужчину.

С Ламисом у Ахайи установились особые отношения. Звёздный принц уважал госпожу, видя в ней сильную и целеустремлённую личность, а женщина уважала его гордость, ум и чувство собственного достоинства. Несмотря на серебряный ошейник – унижительное украшение для благородного дворянина, принц держался с достоинством, никогда и ни перед кем не пресмыкался, не угодничал и не интриговал, не выказывал страха, даже если госпожа была в гневе. Этим он походил на Байдара, и это качество привлекало её более всего.

Вокруг Ламиса вилоь много женщин, некоторые открыто

предлагали свою любовь, но он, как и Байдар в своё время, оставался равнодушным к их страстным призывам. Ахайю весьма интересовало, почему принц проявляет такую сдержанность: из-за врождённой скромности, из-за того, что считает ниже своего достоинства связываться с простыми служанками и рабынями, или по той же причине, по которой когда-то воздерживался Байдар – то есть, из-за тайного вожделения к хозяйке? Ей, конечно же, льстило внимание такого великолепного образца мужской красоты, и, если бы принц хоть как-то намекнул, что желает её, возможно, она откликнулась бы на его призыв, и Байдару вновь пришлось бы поступиться местом у тела возлюбленной.

Но Ламис, к счастью или сожалению, оставался всё таким же сдержанным и уравновешенным, как и в первые дни пребывания в замке. С госпожой держался почтительно, с малышом по-доброму строго. Он проводил с мальчиком целые дни, занимаясь его воспитанием и обучением, тренируя или просто играя, и Ларос просто души не чаял в своём наставнике.

С того знакового дня, когда Астон ди Вермис впервые появился в гостиничной комнатке Ахайи и сделал своё необычное предложение, всё в жизни женщины было чудесно и прекрасно, если не брать во внимание небольшое происшествие с Альмаром. Она жила, как хотела, делала, что хотела, и всё у неё получалось, как нельзя лучше. Богиня Счастья и Удачи не отворачивала от женщины сияющего лица, даря неиз-

менную лучезарную улыбку. Несчастья и неудачи обходили замок «Гнездо чайки» стороной до того самого дня, когда Астон ди Вермис вернулся домой в последний раз, больной, обнищавший и измождённый. От него не поступало никаких известий уже почти год, и женщина начала подумывать о составленном когда-то договоре.

Но супруг неожиданно объявился у ворот замка: худой, в грязных лохмотьях и без привычного сопровождения мальчика-раба. Стража с трудом его узнала, приняв поначалу за нищего-попрошайку, пока капитан Хорст не опознал в оборванце господина и не отвёл его к госпоже.

Увидев супруга в таком плачевном состоянии, Ахайя только руками всплеснула от удивления. Она тут же приказала приготовить горячую ванну и послала за доктором.

Но, ни горькие порошки, ни целебные отвары лекаря, ни заботливый уход супруги, не смогли восстановить подорванное болезнью и разгульной жизнью здоровье Астона. Через несколько дней он впал в горячку, а спустя полторы декады умер, так и не придя в себя и не попрощавшись перед смертью с супругой и детьми.

Нельзя сказать, что смерть Астона сильно потрясла Ахайю. Официальный статус вдовы мало что изменил в её жизни. Она и так была полновластной хозяйкой поместья, а редкие посещения супруга приносили больше хлопот, чем поддержки. К тому же, в каждый свой приезд-отъезд, Астон чувствительно опустошал казну, которую Ахайя старательно

наполняла целый год. Потому, смерть супруга стала для женщины скорее облегчением, чем утратой, но, к сожалению, она открыла дорогу другим несчастьям и потерям, которые, до этого, обходили «Гнездо Чайки». Как известно, беды и несчастья не ходят в одиночку.

Не успела Ахайя похоронить супруга, устроив пышное погребение и облачившись траурные одежды, как на неё обрушилось другое несчастье.

Однажды, после полудня, когда женщина наслаждалась обществом Ламиса, играя с принцем в шахматы (Ларос в это время спал, а Байдар с утра уехал проверить табуны, пасшиеся на дальних пастбищах), в замок на взмыленной лошади прискакал мальчик-подпасок. Вбежав в покои госпожи, он пал ниц и, задыхаясь, проговорил:

– Ваша милость, меня послал господин Байдар... На табун напали разбойники... Он просит срочно прислать отряд стражников...

– А где он сам?

– Он остался с табуном...

– Глупец! Сколько их?

– Кого?

– Разбойников, тупица!

– Не знаю... Много, госпожа...

Ахайя вскочила на ноги.

– Капитана Хорста ко мне! И передай, пусть поднимает солдат! – приказала она принцу и метнулась в гардеробную.

Когда Ламис, спустя какое-то время, вернулся в сопровождении капитана Хорста, она уже переделалась в свой боевой кожаный костюм и вооружилась, словно собралась идти на войну. Ламис, по сути дела, мало что знавший о госпоже и впервые увидевший её в таком облачении, не смог скрыть удивления.

– Капитан, отберите самых лучших бойцов и посадите на сильных лошадей, – отдавала Ахайя приказы спокойным и деловым тоном. – Сонда, беги на конюшню и прикажи, пусть седлают Дракона. Ламис, в моё отсутствие присмотришь за замком. Эй, малец, на каком пастбище это произошло?

– На третьем, госпожа.

Когда все разошлись выполнять приказы, принц удивлённо спросил:

– Вы собрались собственноручно ловить разбойников?

– Конечно! Я не могу пропустить такое удовольствие.

– Удовольствие, госпожа? – ещё больше удивился мужчина.

– Да! Я соскучилась по настоящей хорошей драке, а тут такая возможность. Я ни за что не пропущу это развлечение.

– Я всегда считал, что война и драка – удел мужчин.

– Твои принципы устарели. Я женщина-воин, а значит, это и мой удел тоже.

– Нет, вы просто женщина и мать...

– Одно другому не мешает...

Прибежала запыхавшаяся Сонда и доложила, что Дракон

и люди ожидают её во дворе. Ахайя надела на голову шлём и покинула комнату, оставив принца в недоумении и лёгкой растерянности. Стоя у выходящего во двор окна, мужчина смотрел, как женщина, затянутая в чёрную кожу доспехов, с закрывавшим пол-лица шлёмом с высоким султаном чёрных перьев, села на своего грозного жеребца, и во главе двадцати рослых крепких всадников рысью покинула двор замка. Вскоре грохот копыт затих вдаль, и поднятая ими пыль осела на землю.

Время тянулось медленно. Замок жил обычной жизнью: в открытые ворота въезжали и выезжали повозки, везущие дрова для печей, траву для стойлового скота, овощи и мясо для кухни; вывозящие навоз на поля, пустые бочки или корзины. По двору сновали слуги, занятые привычными делами, и никто не беспокоился о том, что госпожа покинула замок во главе двух десятков воинов, и сейчас, вероятно, где-то сражается с безжалостными и свирепыми разбойниками. Им не было никакого дела до того, что делает их странная хозяйка.

Когда дети проснулись, Ламис возвратился в детскую и занялся обычным делом, но мысли его всё время возвращались к хозяйке, которую сегодня он познал с новой стороны. Её затянутый в кожу образ неизменно преследовал его, не давая сосредоточиться на занятиях, будоража мысли и отвлекая внимание.

Отряд возвратился в замок лишь поздно вечером. Лошади

устало брели, понунив головы. Бока покрывало мыло, а кое у кого засохшая кровь. Люди тоже с трудом держались в сёдлах. Некоторые сёдла пустовали – наездники лежали поперёк них. Позади отряда, под охраной, брели несколько связанных пленных.

Ахайя ехала впереди отряда. Дракон гордо держал голову, хотя его бока тоже блестели от пота и он нёс два тела: восседающей в седле хозяйки и лежащего на её коленях мертвеца.

Когда по каменным плитам двора зацокали подковы лошадей и зазвучали громкие солдатские голоса, когда двор осветился факелами и масляными фонарями, Ламис быстро спустился вниз. Он увидел, как с лошади госпожи снимают чьё-то тело, и поспешил к всаднице, чтобы помочь ей спешиться.

Доспехи Ахайи, днём такие красивые и блестящие, пропитались конским потом, покрылись пылью и брызгами засохшей крови. Но не её кровью – на женщине не было ран, хотя на камзоле в нескольких местах зияли прорехи. Тонкая кольчуга, надетая под него, защитила тело.

Ламис предложил госпоже руку и помог сойти на землю. Хотя женщина не показывала вида, но едва держалась на ногах от усталости.

– Я распорядился приготовить горячую ванну и расстелить постель, – сказал он, поддерживая её под руку. – И приказал подать ужин в комнату...

Ахайя не ответила, не поблагодарила ни словом, ни взгля-

дом. Отвернувшись, смотрела на тела, которые солдаты складывали на поспешно расстеленную на плитах двора рокожу. Проследив за её взглядом, Ламис увидел лежащего первым в скорбном ряду Байдара. В груди бывшего товарища зияла страшная кровавая рана. Бледное лицо казалось удивительно спокойным и умиротворённым, словно мужчина спал крепким сном, а из-под полуоткрытых век тускло поблёскивали белки.

Ахайя медленно приблизилась и опустилась возле тела на колени. Провела ладонью по застывшему лицу, закрывая глаза, затем наклонилась и поцеловала в холодные мёртвые губы. Несколько долгих минут неподвижно сидела рядом, глядя на Байдара тёмным непроницаемым взглядом, не замечая снующих вокруг людей и стоящего позади Ламиса, пока тот, осторожно коснувшись её плеча, не произнёс тихо:

– Идёмте, госпожа... Уже поздний вечер, вы устали и вам нужно поесть...

Ахайя повернула голову и посмотрела на него через плечо. На бледном лице темнели чёрные провалы глаз, словно пустые глазницы смерти.

– Мне жаль Байдара, хотя мы так и не стали близкими друзьями... – продолжил Ламис. – Ужасная смерть... Он её не заслужил.

– Он умер, как герой... – глухо произнесла Ахайя. Склонившись над мёртвым телом, сняла золотой ошейник. – ...и будет погребён, как свободный человек.

Женщина с трудом поднялась и вновь стала прежней Ахайей – госпожой и властительницей. Подозвав слуг, приказала подготовить тела к похоронам, а для Байдара сшить красивый саван из белого шёлка. Когда его подняли и унесли, подозвала управляющего.

– Всем воинам, участвовавшим в походе, выдать по пять золотых, и предоставить два дня отдыха. Пленных запереть в подвале, я ими займусь после похорон. Всех мёртвых после омовения и облачения поместить в капище и пусть жрец прочитает над ними подходящие случаю молитвы... Идём, Ламис!

Приняв горячую ванну, Ахайя отказалась от ужина, выпив только кубок крепкого вина и съев горсть сладкого печенья, и удалилась в спальню, приказав не беспокоить её до утра. Служанки слышали, как изнутри щёлкнул засов, как бывало, когда госпожа уединялась с Байдаром. Но сейчас она осталась одна, и никто не знал, что она делает в опустевшей постели: сладко и спокойно спит или оплакивает неожиданную потерю?

Глава 14

Похороны Байдара и четырёх погибших солдат были не менее пышными, чем похороны господина. Солдат и пастухов похоронили на кладбище за стенами замка, а Байдара, по ассветскому обычаю, сожгли и развеяли прах над морем. Для этого на побережье сложили большой погребальный костёр, на который положили закутанное в шёлковый саван тело. Ахайя прочитала прощальную молитву, а рыдающая Катяна поднесла к облитым маслом пучкам хвороста, по периметру окружавшим сооружение из толстых смолистых брёвен, горящий факел. Когда пламя с треском и дымом взметнулось вверх, Катяна заголосила во весь голос, разрывая траурные одежды и вырывая волосы. Ахайя же тихо произнесла:

– Пусть душа твоя летит с миром в благословенные Небесные Сады, а я отомщу твоим убийцам...

На следующий после похорон день состоялся суд над пойманными разбойниками. На крыльцо вынесли строгое деревянное кресло с высокой спинкой, в котором восседала госпожа, облачённая в обычный кожаный костюм. Позади стояли управляющий, дворецкий, капитан Хорст и лекарь. Слева, на стуле, сидел Ламис с маленьким Ларосом на коленях. Стул справа пустовал, как бы напоминая присутствующим о потере. Во дворе столпились рабы, слуги, солдаты, челядь и

пришедшие поглазеть на суд и казнь селяне. У дороги, проходящей мимо замка, уже стояли четыре столба, над которыми прибили таблички с надписью: «Разбойник и конокрад».

Стражники привели пленных. Вид у них был удручающий, не такой грозный, как наемни, когда, с гиканьем и свистом, они напали на преследовавших их солдат. Ахайя окинула подсудимых строгим взглядом и обратилась к Хорсту:

– Капитан, какое наказание полагается за конокрадство?

– Смерть через повешение на крепостной стене.

– А за разбой?

– Обезглавливание или четвертование, в зависимости от статуса обвиняемого.

– А за убийство?

Хорст замялся. Ахайя повернула голову и строго взглянула на подчинённого.

– Вы плохо знаете закон, капитан?

– Гмм... В этой части закона есть несколько статей...

– Так процитируйте нам нужную.

– Хм... За убийство... раба, полагается штраф в размере троекратной стоимости раба или пятьдесят ударов плетью... За убийство свободного человека совершённого с корыстной целью...

– Хватит! – прервала его Ахайя и поднялась. – Всё это скучно и не подходит для данного случая. Я сама назначу наказание этим негодьям... Они посмели прийти на мою землю и попытались похитить моё имущество, они убили моего

возлюбленного, они убили моих солдат, оставив их жён вдовами, а детей сиротами. Они убили моих слуг, честно выполнявших свою работу. В назидание другим я повелеваю отрубить им руки до локтей и прижечь обрубки каленым железом, чтобы они не умерли от потери крови. Затем распять на столбах и оставить на милость богов до окончательной смерти. Их тела будут висеть до тех пор, пока солнце, ветер и хищные птицы не разбросают их кости по земле, после чего они будут собраны и затоплены в болоте, чтобы их души никогда не смогли вознестись на Небеса и просить у богов прощения за свои мерзкие поступки... Повелеваю всем здесь присутствующим запомнить мой приговор и поведать о нём другим, чтобы больше никого не соблазняло моё имущество. Пусть знают, что хозяйка «Гнезда чайки» не слабая беспомощная женщина, а грозная госпожа, строго охраняющая свои границы и своих людей, и любой, посягнувший на одно или другое, будет немедленно и жестоко наказан! Семьям убитых пастухов я приказываю выплатить компенсацию в размере пятидесяти золотых за потерю кормильца. Вдовы погибших солдат будут получать пожизненную ренту в размере половины их жалованья, пока не выйдут замуж. Их дети будут приняты на службу в замок вне конкурса. Таково моё слово!

Ахайя опустилась в кресло, а по толпе присутствующих пронёсся одобрительный гул. Кто-то даже выкрикнул: «Слава нашей госпоже!» и толпа нестройно подхватила этот воз-

глас.

Пришёл палач с большим, грозно сверкающим на солнце топором. Толпа с жадностью и любопытством смотрела, как одна за другой падали в подставленную корзину отрубленные руки разбойников. Их ужасные вопли перекрывали одобрителный шум толпы. Затем, искалеченные полубесчувственные тела поволокли прочь из замка, и толпа повалила следом. Поднявшись на крепостную стену, Ахайя наблюдала, как приговорённых распинали на столбах, привязав за обрубки к перекладинам. Они кричали, и их болезненные и молящие крики доносились до высоких стен замка, но не трогали ожесточившееся сердце женщины. Ларос, смотревший на всё происходящее с испугом, но и долей любопытства, осторожно тронул мать за руку и спросил:

– Мама, обязательно было их наказывать так стлого?

– Да, сынок. Учись быть жестоким с врагами, если не хочешь, чтобы враги были жестоки с тобой.

Ламиса поразило увиденное не меньше, чем его ученика. Душу мужчины раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, ему нравилась эта красивая сильная женщина, с другой – ужасала её жестокость. Он старался понять её, уже зная, что она не простая женщина, а «меченая» – с детства воспитанная и обученная жрица войны и смерти. Но он не мог понять, как в одном теле уживаются две совершенно разные души: с одной стороны нежная, добрая, заботливая и любящая мать, супруга и просто женщина, а с другой – хо-

лодная, жестокая, безжалостная и неумолимая убийца. Ламис знал о её отношениях с Байдаром – кто этого не знал! Видел, что госпожа тяжело переживает смерть друга, хотя и старается не выдавать своих чувств. Он бы хотел утешить её, облегчить боль, успокоить страдающую душу, но не знал, как это сделать.

Принц сочувствовал потере госпожи, но где-то там, в глубине души, гнездилась нехорошая радость от того, что соперника больше нет, и никто не стоит на пути завоевания этой странной, прекрасной и желанной женщины. Теперь у Ахайи не осталось никого – ни супруга, ни любовника – и у него появился реальный шанс завоевать сердце гордой и противоречивой женщины.

* * *

Порой нужно потерять дорогого человека, чтобы осознать, что ты его любил. Пока был жив Байдар, Ахайя воспринимала его любовь, как должное, дарила в ответ своё тело, но не открывала душу, наученная горьким опытом с Альмаром. Но, когда его не стало, она, вдруг, осознала, как к нему привязалась. Впервые женщина ощутила невыносимое всепоглощающее одиночество, от которого хотелось выть и биться в истерике. Байдар был больше чем любовник – он был её другом, помощником, советчиком, собеседником и утешителем, поверенным почти во всех делах. Кто сможет

его заменить? Кем заполнить эту невыносимую пустоту в душе? Ей казалось, что никто больше не сможет заменить ушедшего. Никогда у неё не будет такого любящего и преданного мужчины.

Ослеплённая постигшим её несчастьем, женщина на некоторое время забыла о других приближённых мужчинах – Дайяне и Ламисе. Дайян, когда понял, что госпожа свободна во всех отношениях, тут же забыл о Катianne, и все свои чары направил на Ахайю. Он старался почаще попадаться ей на глаза, предлагал услуги во всём – вплоть до прислуживания за столом, старался отвлечь от грустных мыслей, рассмешить, подбодрить, обольщал то так, то эдак. Он не понимал, или не хотел понимать, что для Ахайи он пройденный этап, и, в своё время, был для женщины лишь «игрушкой», кратковременным увлечением, простой прихотью скупающей властительницы.

Ламис, наблюдая суету актёра вокруг госпожи, не вмешивался в их отношения, отчасти из-за врождённой гордости, отчасти из-за естественной сдержанности. Он был не дурак и прекрасно осознавал своё положение. Как ни крути, а он всего лишь раб, в то время как Дайян свободный человек, и при удачно сложившихся обстоятельствах вполне может стать законным супругом ландаски ди Вермис. А он мог рассчитывать только на замену Байдара в её постели. Потому, после смерти соперника, его поведение несколько не изменилось: он оставался всё таким же почтительным и сдержан-

ным, серьезным и надёжным. Занимаясь с малышом, не часто виделся с госпожой – только, когда она проводывала детей или вызывала его для дачи необходимых распоряжений.

Глава 15

После смерти Байдара прошло почти два месяца, а Ахайя оставалась одна. Дайян уже отчаялся завоевать сердце госпожи и вернулся к верной Катianne. Ламис же понял, что влюблён в эту женщину окончательно и бесповоротно. Он терзался муками неразделённой и тщательно скрываемой от посторонних глаз любви, которая сжигала его изнутри, как медленно тлеющий жар в глубине торфяного слоя, грозя в одно неожиданное и непредвиденное мгновение вырваться наружу всепоглощающим пожаром.

Однажды в полдень, когда детей уложили на дневной сон, и Ламис освободился от обязанностей на пару часов, он спустился в комнату госпожи, чтобы спросить её разрешения на занятия плаваньем, так как Ларос, хотя родился на берегу моря, не только не умел плавать, но даже ни разу не омочил ног в морской воде. Служанки сказали ему, что госпожа ушла в сад, подышать свежим воздухом.

Сад в замке был крохотный: несколько десятков фруктовых деревьев, маленький пруд с разноцветными рыбками и берегами из насыпного морского песка, укромная, увитая вьющимися растениями беседка в дальнем углу.

На аллее госпожи не оказалось, возле пруда тоже, и Ламис направился к беседке. Приблизившись к небольшому деревянному строению, раздвинул полог из свисающих зелёных

плетей и заглянул внутрь. Ахайя находилась внутри. Она лежала на коврике, покрывавшем пол беседки, облокотившись о высокую жёсткую подушку, а перед ней стоял поднос с вазой сладостей и кувшином вина. Она как раз пригубила серебряный кубок, когда сквозь зелёный занавес просунулась голова Ламиса. Женщина недовольно на него уставилась и резко спросила:

– Чего тебе?

– Простите, что прерываю ваше уединение, но мне нужно ваше разрешение...

– На что?

– Ларосу пора учиться плавать, и я прошу разрешения отвести его на море.

– А не рано? Мальчику нет ещё и пяти.

– Чем раньше начать, тем легче научиться.

– Но море... Может, лучше, начать с нашего пруда?

– Неподалеку от замка есть небольшой залив. Там мелко и совсем нет волн.

– Ладно... Только возьми охрану. Я не хочу никаких неожиданностей.

– Как прикажете, госпожа... Я могу идти?

– Иди... Нет, постой! Дети спят?

– Да.

– Тогда присядь... Тебе ведь некуда спешить? Или есть? Может, тебя ждёт какая-нибудь красотка?

Ламис отрицательно качнул головой.

– Нет, меня никто не ждёт... А вы от кого здесь прячетесь? Не от Дайяна случайно? Последнее время он вас просто преследует.

Ахайя улыбнулась.

– Да, Дайян настойчивый парень... Но, нет. Просто хочется побыть одной. Что-то на меня напала хандра... Эти неожиданные смерти выбили меня из седла.

– Вы любили супруга?

Ахайя с удивлением взглянула на принца.

– Что за странный вопрос?.. Может, ты хотел спросить, любила ли я Байдара?

– А его?

Ахайя засмеялась.

– Дерзкий... Но я отвечу. С Астоном мы были хорошими друзьями, а Байдар... Он был моим самым близким и лучшим другом. Мне жаль обоих, но Байдар... Он не заслуживал смерти... Он был хорошим человеком...

– Боги любят хороших людей и часто забирают их ещё молодыми.

Ахайя залпом осушила кубок и пробормотала:

– Не хочу гневить богов... Но...

Она потянулась к кувшину и снова наполнила кубок. Протянув его принцу, сказала:

– Выпей за Байдара. Чтобы его душа поскорей обрела новое тело.

– Разве так бывает? – удивился Ламис. – Наши жрецы

говорят, что после смерти душа человека отправляется на Небеса в чертог Небесного Отца.

– А мне говорили – и я этому верю – что после смерти моя душа найдёт себе новое тело и проживёт новую жизнь до самой смерти... И так до бесконечности... Но неважно, кто во что верит. Выпей за него и оставь мне.

Ламис осторожно взял в ладони наполненный почти до краёв кубок и поднёс к губам. Отпив несколько глотков, протянул госпоже, и она допила до дна. Когда пустой кубок звякнул о поднос, принц произнёс:

– На моей родине существует обычай: если мужчина и женщина пьют из одного кубка, то их считают женихом и невестой.

Ахайя насмешливо взглянула на Ламиса:

– А на моей родине это означает, что они просто близкие хорошие друзья. У нас так и говорят: «Мы пьём из одного кубка».

– Мой вариант лучше, – улыбнулся принц.

Ахайя поманила мужчину пальчиком и загадочно прошептала:

– А ну-ка, наклонись...

Ламис послушно склонился, и она провела ладонью по его губам, стирая красную винную полоску над верхней губой.

– Ты испачкался, как Ларос, когда пьёт молоко, – засмеялась она.

От невинного прикосновения госпожи, мужчину бросило

в жар. Долго сдерживаемая страсть взбурлила и начала вскипать, разливаясь по телу горячей лавой. В порыве страсти, он прижал руку к губам и запечатлел на ладони нежный поцелуй. Не в силах сдержаться, продолжил покрывать руку поцелуями – губы скользнули на запястье, затем на предплечье и через мгновение Ахайя оказалась в крепких мужских объятиях. Его жаждущие губы покрыли её лицо нетерпеливыми жадными поцелуями, запечатав глаза и рот.

Застигнутая врасплох неожиданной и быстрой атакой, опьянённая выпитым вином, Ахайя и не думала сопротивляться. Губы мужчины были такими умелыми, а страсть неподдельной, что её тело невольно охватила любовная истома. Руки обвили шею мужчины, а губы раскрылись в ответном поцелуе.

Получив немое согласие, Ламис осмелел и начал действовать более решительно. Спустя мгновение его руки сорвали с госпожи лёгкое платье, в которое она была облачена, и начали смело бродить по её телу, лаская все изгибы и выпуклости. При этом его губы ни на миг не отрывались от губ женщины. Соскучившаяся по любовной ласке, Ахайя уже стонала от нетерпения, когда твёрдое копьё мужчины решительно и уверенно пронзило её лоно. Они предались любви бурно и несдержанно, что говорило о взаимном любовном голоде, и через несколько недолгих, но страстных мгновений тела сотряс любовный экстаз. Они замерли, прижавшись друг к другу, а губы принца продолжали покрывать лицо, шею и пле-

чи женщины лёгкими и нежными поцелуями. После недолгого отдыха, он вновь начал двигаться, но уже не спеша, легко и ритмично. Через какое-то время Ахайя снова начала постанывать от наслаждения. На этот раз их любовная игра затянулась надолго: принц умело руководил своим желанием и страстью женщины, сдерживаясь, замирая и оттягивая удовольствие. Ахайя стонала и вскрикивала под его тяжёлым телом, страстно прижимала к себе и покрывала горячими благодарными поцелуями. А когда наступил кульминационный момент, не смогла сдержать громкого животного крика. Ламис тоже хрипло застонал и обессилено упал на женщину. Несколько минут в наступившей тишине слышалось лишь тяжёлое дыхание, затем Ахайя осторожно выбралась из-под всё ещё полубесчувственного тела, плеснула в кубок вина и жадно выпила. Не говоря ни слова, набросила на плечи порванное платье и покинула беседку. Ламис открыл глаза, приподнялся, хотел что-то сказать, но было поздно – он остался один.

После этого неожиданного приключения прошло несколько дней. Ахайя вела себя так, словно ничего не произошло. Ламис хотел пару раз поговорить с госпожой, но она смотрела сквозь него и делала вид, что ничего не слышит. Тогда принц прекратил попытки, но не мог унять разбуженную и выпущенную на свободу страсть. Он мучился, не зная, что делать и как поступить. Он мог бы заставить женщину выслушать себя, но что ей сказать? «Возьмите меня в любов-

ники?»». Он никогда не произнесёт этих слов, потому что не желает занимать место Байдара. Я люблю вас? Но поверит ли она, а если поверит, то вряд ли её тронет любовь какого-то раба. После смерти супруга Ахайя стала богатой и довольно завидной невестой. Даже, несмотря на продолжающийся траур, некоторые холостые соседи зачастили в гости, предлагая ей руку и сердце. Но женщина всем категорически отказывала. Конечно, зачем ей ещё одна обуза на шею, если она живёт в своё удовольствие, сама себе госпожа, и хозяйственные заботы её совсем не тяготят. А для утоления любовной жажды найдётся масса охочих, даже внутри замка.

Однако, после смерти Байдара, Ахайя вела себя довольно сдержанно. Если не считать случая в беседке, о котором никто не знал, она больше не вступала в любовные связи и вела себя скромно, словно жрица. Её служанки удивлённо шептались по углам, обсуждая поведение госпожи и выдвигая различные версии. Некоторые предполагали, что она заболела.

* * *

Не прошло и месяца после безумства в саду, как Ахайя поняла, что она беременна. Этого и следовало ожидать: после смерти Байдара она не пила отвара из корня шитии, который предохранял от нежелательной беременности, а в беседке, одурманенная вином и охваченная страстью, никак не побереглась. Первой мыслью женщины было вытра-

вить нежелательный плод, и она позвала лекаря и приказала приготовить соответствующие снадобья. Но когда доктор ушёл, неожиданно почувствовала угрызения совести. Ахайя вспомнила лицо Ламиса, его нежные руки, тёплые губы, великолепные волосы... Наверное, это был бы красивый ребёнок... И неужели принц не имеет права знать, что получилось из их краткой, но бурной любви?

Поддавшись этим мыслям, Ахайя приказала дежурной рабыне немедленно привести Ламиса. Через несколько минут раб вошёл в дверь и, почтительно поклонившись, замер у порога.

– Как успехи в учёбе? – спросила она.

– Ларос уже хорошо плавает и очень любит нырять. Плаванье хорошо развивает тело и укрепляет мышцы.

– Будь осторожен. Ларос – наследник, и я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось.

– Я осторожен, госпожа...

– Не всегда... Помнишь наше небольшое приключение в беседке?

– Вы так это называете?

– А ты как бы назвал произошедшее?

– Актом искренней любви... Во всяком случае, с моей стороны.

– Так вот, Ваше Высочество, ваш акт имеет весомые последствия, о которых вы должны знать, – холодно произнесла Ахайя. – Я беременна.

Ламис резко вскинул голову и пристально посмотрел на госпожу.

– Вы... И что вы собираетесь делать?

– Что должна сделать одинокая честная женщина в таком случае? Избавиться от нежелательного плода.

– Зачем вы мне это говорите? Чтобы помучить? Это ваша месть за мой несдержанный поступок? Так казните меня, но не убивайте моего ребёнка!

– Я не могу привести на свет незаконнорожденное дитя, которого будут презирать собственные братья и сестры, – жёстко ответила Ахайя.

Ламис побледнел и опустил голову.

– Если вы давно всё решили, – после недолгого молчания глухо заговорил он, – зачем сообщили мне? Чтобы я терзался и страдал? Я и так достаточно страдаю, напрасно любя ту, которой нет до меня дела! – Он поднял голову, и в его глазах зажглась ярость, как в тот день, когда Ахайя впервые увидела его. – Зачем вы мучите меня? Позволили один раз насладиться вашим телом, а затем отбросили, как ненужную вещь! Не позволяете высказать мои чувства, потому что они вам не интересны. Сообщаете о ребёнке, чтобы тут же его убить! Чем я вас прогневил, чем не угодил, чем обидел?! Или вы просто жестокая бездушная гарпия, обожающая мучить людей?

– Придержи язык, Ламис!

– Зачем? Я выскажу вам всё, что накопилось у меня на ду-

ше, а потом можете отправить меня на задний двор или даже распять на крепостной стене! Лучше умереть, чем жить, страдая, зная, что вы недоступны, как звёзды на небе, что люди для вас лишь игрушки, и что вы стали убийцей моего сына, но продолжать любить вашего!

– Такая страстная речь... – насмешливо произнесла женщина. – Ты так жаждешь этого ребёнка... Почему?

– У моего отца двенадцать жён, и каждая родила ему несколько сыновей, не считая девочек... У него так же много отпрысков от дворовых рабынь и наложниц. Я с пятнадцати лет живу с женщинами, но ни одна не понесла от меня. До сих пор я думал, что боги за что-то рассердились на меня и наказали бесплодием... А сейчас, когда я сумел зачать своего первого ребёнка, вы собираетесь его убить! Убейте заодно и меня, чтобы моя любовь к вам не превратилась в ненависть!

– Твой рассказ тронул моё сердце. Я сейчас прямо обрыдаюсь вся! – с насмешливой улыбкой произнесла Ахайя. – Ладно, ступай, мне нужно побыть одной...

Ламис резко повернулся и вышел, громко хлопнув дверью, даже не поклонившись на прощание.

Прошло несколько дней. Ахайя терзалась сомнениями. Разумом она понимала, что этот ребёнок ей не нужен, но сердце, вопреки разумным доводам, всё больше и больше любило этого ещё не родившегося малыша. Женщина сама удивлялась необычному чувству и странному желанию ро-

дить, вопреки всем обстоятельствам. И в этой упорной битве разума и сердца последнее одержало победу. Она снова призвала Ламиса и сказала:

– Я решила оставить этого ребёнка. Но не хочу, чтобы его отцом был раб. Я отпускаю тебя. Вот твоя вольная... Наклонись, я сниму с тебя ошейник. Теперь ты свободный человек и вправе поступать, как хочешь. Можешь остаться в должности учителя и наставника Лароса, и я буду платить тебе соответствующее жалованье, а можешь вернуться домой, чтобы утешить свою мать...

Ламис гордо выпрямился.

– Я хотел бы остаться в замке, – медленно заговорил он, – но не в качестве учителя Лароса, а в качестве его отца. Раз я теперь свободен, сударыня, то моё происхождение и положение позволяют мне просить вашей руки. Я понимаю, что вы привыкли к свободе, и не желаете больше выходить замуж, но я хочу, чтобы у моего сына или дочери был законный отец. Если вы пожелаете, сударыня, то мы заключим договор, по которому я не буду ограничивать вашу свободу, хотя, признаюсь честно, я хотел бы видеть вас своей единственной и полноценной супругой.

Ахайя, которая никак не ожидала подобного предложения, с удивлением смотрела на принца. Его слова звучали более чем заманчиво. Да, правда, она совсем не желала повторно выходить замуж, но и жизнь вольной птицы ей уже приелась. Хотелось почувствовать рядом сильное надёжное пле-

что, делить свою постель с супругом, а не с очередным любовником, показываться в обществе с красивым благородным мужем, чтобы другие дамы смотрели на неё не с жалостью или высокомерием, а с завистью. Всё это ей мог дать Звёздный принц. К тому же Ламис ей давно нравился, она успела его изучить и даже познать его любовь... Он любит её, а дети любят его... К тому же, стать супругой одного из Звёздных принцев считалось большой удачей. Поэтому, женщина без колебаний ответила:

– Я согласна.

– Вы... Вы согласны? – даже несколько опешил от столь быстрого ответа принц. – Вы не шутите?

– Я согласна стать вашей единственной супругой. Без всяких договоров и уговоров. Когда сыграем свадьбу?

Ламис ступил вперёд, опустил на одно колено и, взяв руки женщины в свои, произнёс, с нежностью глядя ей в глаза:

– Вы самая прекрасная и самая удивительная с познанных мною женщин... Я вас люблю больше жизни и согласен пойти с вами в храм хоть сейчас. Но гордость и честь не позволяют мне быть иждивенцем супруги. Поэтому прошу у вас небольшую отсрочку. Примерно, месяца на два. Я хочу вернуться домой и получить благословение родителей. А затем я вернусь к вам со своим приданным.

– Вернётесь ли?.. – с сомнением покачала головой Ахайя. – Позволит ли ваш отец взять в жёны вдову с двумя

детьми и не очень кристальной репутацией?

– Я не наследный принц, могу выбирать жену самостоятельно.

– Но у вас же есть невеста?

– И у меня есть ребёнок. И честь, и законы не позволят ни мне, ни отцу оставить женщину, носящую нашу кровь и плоть, в бесчестье и одиночестве. В любом случае, будет отец за или против, но я вернусь к вам, Ахайя, потому что люблю вас и хочу стать вашим супругом...

Несмотря на заверения, женщина провожала принца с сомнениями. Получив свободу и вернувшись ко двору, захочет ли он возвращаться туда, где познал боль и унижение? Где все его знали и помнили, как раба, а не как королевского отпрыска?

Эти и подобные мысли терзали Ахайю долгие пятьдесят дней, пока, однажды утром, напротив замка, не стал на якорь большой торговый корабль под Звездным флагом. С корабля спустили шлюпку, в которую сели несколько человек, и она направилась к берегу, подгоняемая сильными ударами вёсел. Когда шлюпка приблизилась, Ахайя смогла разглядеть в ней Ламиса, стоявшего на носу. Он был одет в дорогие яркие одежды и радостно улыбался.

Стоя на крепостной стене, женщина наблюдала, как прибывшие высаживались на берег, сгружая какие-то тюки и сундуки. Ахайя вернулась в дом и приготовилась к приходу гостей. Вскоре они прибыли: Ламис и пятеро молодых дво-

рян, сопровождавших принца, а также пожилой мужчина в простом бархатном костюме. Их сопровождали четверо рабов, несших тюки и сундуки.

Войдя, гости вежливо раскланялись, и Ламис произнёс:

– Я вернулся, моя дорогая невеста, чтобы взять вас в жёны по законам и обычаям вашей страны. Примите мои свадебные подарки... – Он подал рабам знак и те сложили у ног женщины свою ношу. – Хочу представить моих близких друзей, пожелавших засвидетельствовать наш союз. Мы выросли вместе и все... как вы говорили? – «пьем из одного кубка».

Он по очереди представил товарищей, и каждый отвесил ей глубокий почтительный поклон и высказал какой-либо комплимент. Последним принц представил старика в чёрном. Им оказался его личный учитель, который когда-то выучил его самого. Он привёз его, чтобы продолжить обучение Лароса, прерванное неожиданным поворотом событий.

Ахайя вызвала дворецкого и приказала разместить почётных гостей. Когда они остались вдвоём, Ламис заключил женщину в нетерпеливые объятия и осыпал жаркими поцелуями.

– Я так соскучился... – бормотал он между поцелуями. – Не мог дождаться, пока закончатся все приготовления, и я смогу отплыть к тебе... Я боялся, что ты передумаешь, или подумаешь, что я обманул тебя и бросил...

Ахайя благоразумно промолчала, что такая мысль не раз

приходила ей в голову.

– Твой отец дал благословение на брак? – спросила только.

– Да. И подарил мне корабль, полный товаров, чтобы я мог начать торговлю на новом месте. Когда он узнал, что ты весьма обеспечена, то не захотел, чтобы его сын выглядел нищим. Так что теперь я смогу заняться торговлей и не буду надоедать тебе своим присутствием...

– Это будет потом... А сейчас я хочу, чтобы ты надоел мне... Очень надоел... И много-много раз надоел... Много, много, очень много раз...

Она взяла любимого за руку и потянула в спальню, на ходу развязывая тесёмки платья...

На этом сказочке конец, кто дочитал, тот молодец!

* * *

СИРена

2010 год

Картинка взята с сайта:

<https://www.pexels.com/photo/beach-woman-sunrise-silhouette-40192/>

CC0 License

Free for personal and commercial use

No attribution required

Обложка создана на сайте:

[https://www.canva.com/design/DAC9uKIkJw/
g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit](https://www.canva.com/design/DAC9uKIkJw/g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit)